

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

инв. 1184

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	4
-----------------------	---

ФИЛОЛОГИЯ

А. Н. Кононов (Ленинград). Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967	5
В. М. Жирмунский (Ленинград). О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха	29
Е. И. Убрятова (Новосибирск). Задачи сравнительного изучения тюркских языков	69
Н. А. Баскаков (Москва). Основные задачи историко-типологического изучения грамматики тюркских языков	80
Д. М. Насилов (Ленинград). Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении	93
А. М. Шербак (Ленинград). Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения	111
И. В. Стеблеви (Москва). К вопросу о происхождении жанра <i>туюг</i>	135

ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный, В. А. Ромодин (Ленинград). Изучение истории тюркских народов в АН СССР	148
Л. П. Поталов (Ленинград). Этнографическое изучение тюркских народностей в СССР за советский период	163
А. Д. Желтяков (Ленинград). Изучение истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде за 50 лет (1917—1967)	176
С. Г. Агаджанов (Ашхабад). Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии	192
Р. А. Гусейнов (Баку). Сельджукская тематика в современной историографии	208
Г. И. Семенюк (Алма-Ата). О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ (на материалах Казахстана)	223
А. Д. Желтяков (Ленинград). История турецкого книгопечатания и периодики от реформ «низам-и джелид» до конституции 1876 г.	238

ХРОНИКА

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина (Ленинград). Первая тюркологическая конференция в Ленинграде	277
--	-----

А. М. Шербак

ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ. К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

1. Енисейские рунические надписи встречаются на территории Тувинской АССР и Хакасии. Материалом для них служил камень — продолговатые, округлые или прямоугольные плиты песчаника и гранита, которые закапывались в землю в вертикальном положении на глубину до одного метра. Некоторые надписи — наскальные (Туба II, Ах-юс, Хара-юс, Хая-Бажы, *resp.* Хая-Ужу, и т. д.). Небольшое количество надписей сделано на монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслице, золотых и серебряных сосудах.

Как в Туве, так и в Хакасии, стелы с надписями ставились главным образом на надпойменных террасах и горных плато вблизи Енисея и его притоков, либо по одной, либо по две и даже по четыре в одном месте. В непосредственной близости или рядом с ними сохраняются следы курганов, частично раскопанных археологами. По сведениям, собранным Л. Р. Кызласовым, камни были расположены преимущественно с восточной или юго-восточной стороны насыпей курганов¹.

Подробное описание первоначального местонахождения памятников и результатов археологических раскопок содержат работы А. В. Адрианова², А. О. Гейкеля³, С. В. Киселева⁴.

¹ Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, — СА, 1960, № 3, стр. 101.

² А. В. Адрианов, Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском Крае, Минусинск, 1902—1924; его же, Дневник раскопок, произведенных в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея Томского университета, № 78 (согласно сообщению Л. Р. Кызласова).

³ А. О. Heikel, Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba, — «Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft», Helsinki, 1912, XXVI.

⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 598—604; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ, — КСИИМК, 1940, III, стр. 39—42; их же, Чаа-тас у села Колены, — «Труды ГИМ», 1940, XI, стр. 21—54.

Л. А. Евтюховой⁵, Л. Р. Кызласова⁶ и С. И. Вайнштейна⁷.

В настоящее время памятники енисейской письменности хранятся в Кызыльском, Минусинском, Абаканском и Красноярском музеях, в Историческом музее в Москве, в Национальном музее в г. Хельсинки, часть их привезена в Ленинград (Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии АН СССР) и часть продолжает оставаться на месте (более подробно см. ниже)⁸.

А. Надписи на камнях и скалах

Кызыльский музей

Уюк-Туран ⁹	№ 3	Кызыл-Чираа I	№ 43
Барык I	№ 5	Кызыл-Чираа II	№ 44
Барык II	№ 6	Кежээлиг-Хову	№ 45
Барык III	№ 7	Телээ	№ 46
Барык IV	№ 8	Элегес I	№ 52
Кара-Суг	№ 9	Элегес II	№ 53
Чаа-Холь II	№ 14	Оттук-Даш III	№ 54
Чаа-Холь VI	№ 18	Кезек-Хурээ	№ 58
Чаа-Холь VIII	№ 20	«Усть-Элегес» (Хербис-Баары)	№ 59

Минусинский музей

Уюк-Тарлаг	№ 1	Алтын-кель II	№ 29
Уюк-Аржан	№ 2	Уйбат I	№ 30
Оттук-Даш I	№ 4	Уйбат II	№ 31
«Элегес» (Элегес)	№ 10	Уйбат III	№ 32
Бегре	№ 11	Туба I	№ 35
Чаа-Холь I	№ 13	«Туба III» (Алып)	№ 37
Чаа-Холь VII	№ 19	Ташеба	№ 40
Означенная	№ 25	Хемчик-Чиргаки	№ 41
«Ачтура» (Очуры)	№ 26	«Памятник Минусинского	
Оя	№ 27	музея» (Бай-Будун I)	№ 42
Алтын-кель I	№ 28	«Абаканский памятник»	№ 48

⁵ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, — КСИИМК, 1949, XXVI, стр. 120—127.

⁶ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 93—120; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3, стр. 38—49; его же. Новый памятник енисейской письменности. — СЭ, 1965, № 2, стр. 107—111.

⁷ С. И. Вайнштейн, Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1963, X, стр. 264—267.

⁸ Большая часть енисейских надписей осмотрена и обследована нами на месте их первоначального нахождения и в упомянутых выше музеях. Полупно заметим, что условия, в которых находятся памятники в Кызыльском и Минусинском музеях, не могут обеспечить их продолжительной сохранности.

⁹ Стелы обозначены по названиям рек, населенных пунктов и урочищ, вблизи которых они были найдены. Нумерация их условия: в соответствующем порядке они приводятся в работе С. Е. Малова «Памятники енисейской письменности тюрков» — до № 51. Последующие номера присвоены вновь открытым или ранее неопубликованным памятникам.

«1-й памятник из Тувы» (Бай-Булуи II) № 49	Сайгын (Борбак-Арыг) № 57
«2-й памятник из Тувы» № 50	Оттук-Даш II (изд. И. А. Батманов и А. Ч. Куназ) № 64
«3-й памятник из Тувы» № 51	Эль-Бажы (изд. Д. М. Насилов) № 68
«Тувинская стела — Г» (Улуг-Сайра? Изд. С. В. Киселев, Д. М. Насилов) № 55	Чер-Чарык (изд. Д. М. Насилов) № 69
Малиновка ¹⁰ № 56	

Музей антропологии и этнографии
(г. Ленинград)

Чаа-Холь V № 17	Чаа-Холь XI № 23
Чаа-Холь IX № 21	Подкунинская № 71
Чаа-Холь X № 22	

Национальный музей г. Хельсинки

Чаа-Холь IV № 16

На местах первоначального нахождения

Кули-Хем (Алды-Бель I) № 12	Суглуг-Адыр-Аксы № 61
Чаа-Холь III № 15	Капмыдлыг-Хову № 62
Хая-Бажы (Хая-Ужу) № 24	Ортаа-Хем № 63
Уйбат IV № 33	Кара-Булуи I № 65
Уйбат V № 34	Кара-Булуи II № 66
Туба II № 36	Кара-Булуи III № 67
Ак-юс (Ах-юс) № 38	Ир-Холь (Элегест IV) № 70
Кара-юс (Хара-юс) № 39	Алды-Бель II № 72
Саргаал-Аксы № 60	Ийме № 73

*Б. Надписи на монетах, металлических зеркалах,
сосудах и т. п.*

Минусинский музей

Надпись на монете — Инв. № 5885 ¹¹
Надписи на зеркалах — Инв. № 5194, 5243
Надпись на пряслице — Инв. № 2164 (?)

Абаканский музей

Надпись на зеркале — Инв. № 5242

¹⁰ Как любезно сообщил Л. Р. Кызласов, плита у кургана в с. Малиновка была осмотрена им вместе с С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в 1947 г. В 1948 г. Э. Р. Рыгдылон доставил ее в Минусинск и сдал в местный музей, где впоследствии она затерялась.

¹¹ Вторую монету, бронзовую бляшку и пряслице нам не удалось обнаружить ни в экспозициях, ни в материалах, находящихся в фонде музея.

Эрмитаж

Надпись на серебряном сосуде из Уйбатского чаа-таса — Инв. № 4899-2

Государственный Исторический музей
(г. Москва)

Надписи на золотых сосудах из Копёнского чаа-таса

II. Открытие первых рунических надписей на территории Хакасии связано с именем Д. Г. Мессершмидта, объехавшего Сибирь в 1720—1727 гг. и обнаружившего в 1721—1722 гг. первый уйбатский памятник и, совместно с Ф. И. Страленбергом, третий памятник у р. Тубы (каменная фигура человека с надписью на спине)¹². В начале XIX в. территорию Хакасии обследовал Г. И. Спасский, опубликовавший результаты своего исследования в 1818 г.¹³ В 1847 г. на р. Уйбат и в других местах побывал М. А. Кастрен, который открыл пятый уйбатский памятник и стелу у д. Означенной. Несколько позднее Н. А. Костровым были найдены памятники с руническими письменами у устья р. Оя и около д. Очуры в Койбальской степи и Е. Ф. Корчаковым — два памятника у оз. Алтын-кёль. В 1885 г. И. П. Кузнецов открыл второй, в 1886 г. Д. А. Клеменц — первый, а в 1888—1889 гг. финская экспедиция — четвертый памятник у р. Уйбат, памятники Туба I, Ташеба и др. В разное время разными лицами были обнаружены надписи на скалах по берегам рек Туба, Ах-юс, Хара-юс, а также монеты и предметы хозяйственного назначения¹⁴, точные места находки которых неизвестны.

Честь открытия первой надписи на территории Тувы принадлежит Г. Н. Потанину, который во время экспедиции 1879 г. обнаружил на левом берегу р. Каа-Хем стелу с надписью. Несколько позже, в 1881 г., А. В. Адрянов, путешествуя по

¹² Ph. von Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730, стр. 409 и сл. (в этом же издании воспроизведена зарисовка фрагмента зеркала с руническими знаками, стр. 357). D. G. Messerschmidt, *Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727*, T. I, Berlin, 1962, стр. 174. См. также: В. В. Радлов, *Сибирские древности*, I, вып. 2, — «Материалы по археологии России», № 5. Приложения, СПб., 1891, стр. 31; вып. 3, — «Материалы по археологии России», № 15. Приложения, СПб., 1894, стр. 96 и сл.

¹³ Г. И. Спасский, *Древности Сибири* (с приложением альбома), — «Сибирский вестник», ч. I, отд. I, СПб., 1818, стр. 5—14, табл. II, III.

¹⁴ См.: O. Donner, *Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'Éléuséi*, Helsingfors, 1892, стр. 3, 65; Д. А. Клеменц, *Северо-азиатские рунические письмена и чтение их*, Иркутск, 1895, стр. 24.

верхнему течению Енисея и его притокам, открыл и скопировал надпись на скале Хая-Бажы (*resp.* Хая-Ужу). Копии этой надписи были посланы Н. М. Ядринцеву, который опубликовал их вместе с копиями других надписей (из Минусинского музея) в 1885 г.¹⁵ В 1888 г. в верховьях Енисея побывала финская экспедиция во главе с И. Аспелином¹⁶, обследовавшая 17 рунических надписей (Уюк-Аржан, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кара-Суг, Элегес, Кули-Хем, Чаа-Холь, Оттук-Даш, Хая-Бажы). В 1889 г. А. О. Гейкелем были найдены стелы Хемчик-Чиргаки и Чаа-Холь III, а в 1891 г. Д. А. Клеменц открыл памятники у р. Барык¹⁷. Другие находки относятся к более позднему времени.

В собирании памятников енисейской письменности важную роль сыграл Минусинский музей, ставший с конца XIX в. основным местом их сосредоточения¹⁸.

III. Начало публикации енисейских надписей с текстами, переводами, комментариями, грамматическим очерком и словарем было положено В. В. Радловым, использовавшим материалы финской экспедиции и эстампажи В. А. Ошуркова¹⁹.

¹⁵ Н. М. Ядринцев, Древние памятники и письма в Сибири, — «Литературный сборник», СПб., 1885, стр. 456—476. См. также: А. В. А. Д. Рязанов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г., — ЗИРГО, 1888, XI, стр. 147—290, 402—421; Д. А. Клеменц, Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох, Томск, 1886, стр. 39 и сл., 178.

¹⁶ Inscriptions de l'énisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie, Helsingfors, 1889. См. также: O. Donner, Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'énisséï, стр. 66 (в этом издании опубликованы два новых текста: на стелах Чаа-Холь III и Хемчик-Чиргаки); J. Aspelin, Über die Jenisei-Inschriften. — «Zeitschrift für Ethnologie», XXI, Berlin, 1889, стр. 744—746; Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889, herausgegeben von H. Appelgren-Kivalo, Helsingfors, 1931 (в последнем издании имеется копия надписи с р. Уюк-Туран).

¹⁷ См.: Л. Р. Кызласов, Краткая история археологического изучения Тувы, — «Вестник МГУ», 1965, № 3, стр. 56 и сл.

¹⁸ См.: «Минусинский публичный местный музей. Десятилетие Минусинского музея, 1877—1887», Томск, 1887, стр. 53, 54, 56; «Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1889 год», Минусинск, 1890, стр. 11 (о сдаче в музей монеты и бронзовой бляшки); «Отчет... за 1892 год», Минусинск, 1893, стр. 5, 17; «Отчет... за 1893 год», Минусинск, 1894, стр. 7; «Отчет... за 1897 год», Минусинск, 1898, стр. 4; «Отчет... за 1900 год», Минусинск, 1901, стр. 13; «Отчет... за 1901 год», Красноярск, 1902, стр. 12; «Отчет... за 1902 год», Минусинск, 1903, стр. 16, 25 (о доставке камней, китайских зеркал и других предметов с надписями); «Отчет... за 1913 год», Минусинск, 1914, стр. 20. См. также: Н. С. Боголюбовский, Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов, 1881, 1882 и 1883 годы, СПб., 1890, стр. 16 и сл.

¹⁹ W. Radloff, Atlas der Alterthümer der Mongolei. Arbeiten der Orchon-Expedition, Zweite Lieferung, St.-Pbg., 1893; Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1896; его же, Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 299—387.

В первой половине нынешнего столетия енисейские надписи привлекли внимание В. Томсена, Х. Н. Оркуна и С. Е. Малова. В. Томсен сделал поправки к чтению надписей с рек Барык, Элегес и наскальной надписи Хая-Бажы (Хая-Ужу)²⁰. Х. Н. Оркун опубликовал с несколько измененным чтением и переводом 15 надписей из Хакасии и 27 — из Тувы²¹. В издании С. Е. Малова, помимо надписей, опубликованных Х. Н. Оркуном и С. В. Киселевым²², вошли эпитафии Телээ, Элегес (I—II), Кызыл-Чираа (I, II) и Кёжээлиг-Хову²³. Изданию отдельных надписей посвящены статьи или разделы в работах Ф. Р. Мартина²⁴, Э. Друэна²⁵, А. Н. Самойловича²⁶, Л. А. Евтюховой²⁷, С. В. Киселева²⁸, Э. Р. Рыгдылона²⁹, Ю. Л. Аранчына³⁰.

²⁰ V. Thomsen, *Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie*, — MSFOu, XXXVII, 1916, стр. 38, 60, 65.

²¹ H. N. Orkun, *Eski türk yazıtları*, III, Istanbul, 1940.

²² С. В. Киселев, Неизданные надписи енисейских кыргызов. — ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 124—134 («Абаканский памятник», «1-й памятник из Тувы», — Бай-Булун II, «2-й памятник из Тувы», «3-й памятник из Тувы», Отгук-Даш I, Улуг-Сайра?).

²³ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 68—75. Три надписи из Тувы (Хемчик-Чирээкы, Кызыл-Чираа I, Бай-Булун I) были изданы С. Е. Маловым в 1936 г. см.: С. Е. Малов, Новые памятники с турецкими рунами. — сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 259—274.

²⁴ F. R. Martin, *Sibirica*, Stockholm, 1897, Taf. 25 (надписи на фрагментах зеркала).

²⁵ E. Drouin, *La monnaie bilingue de Minoussinsk*, — «Bulletin de Numismatique», Paris, 1892, VIII, mars, стр. 133—135.

²⁶ А. Н. Самойлович, О надписи тюркскими рунами на р. Берег з Тувинской республике, рукопись. Архив востоковедов Ин-та народов Азии АН СССР в Ленинграде, Р. II, оп. 4, № 56.

²⁷ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г., — ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 162; их же, Чаа-тас у села Копены, стр. 43, табл. II; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 41—43 (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса).

²⁸ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 601, 602, табл. LIII (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса и на пряслице из Минусинского музея); его же, Письменность енисейских кыргызов. — КСИИМК, 1949, XXV, стр. 37—40 (надпись на пряслице из Минусинского музея). Рец. см.: А. Н. Бернштам, — ВЛУ, 1950, № 4, стр. 167.

²⁹ Э. Р. Рыгдылон, Новые рунические надписи Минусинского Края. — ЭВ, 1951, IV, стр. 87—93 (надписи на камне у д. Малиновка в долине р. Уюк Тувинской АССР, на фрагментах зеркал, китайской монете и пряслице). Рец. см.: С. Е. Малов, — «Изв. ОЛЯ АН СССР», М., 1954, XIII, 2, стр. 197. Э. Р. Рыгдылон, Подкуинская руническая надпись, — ЭВ, 1956, XI, стр. 59—62.

³⁰ Ю. Л. Аранчин, Сайгинская плита с древнетюркской надписью. — ЭВ, 1951, V, стр. 76—77.

А. Н. Бернштам³¹, Л. Базена³², З. Б. Арагачы³³, А. М. Шербака³⁴, И. А. Батманова³⁵, А. К. Боровкова³⁶, Д. М. Насилова³⁷, Л. Р. Кызласова³⁸. В 1963 и 1965 гг. И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа издали три выпуска альбома рунических надписей Тувы³⁹.

Ряд памятников, главным образом из Хакасии (наскальная надпись у д. Фыркалы, надписи на фрагменте зеркала и на камнях из окрестностей Уйбатского чаа-таса, из улуса Усть-Сос Аскизского р-на, из могильника около улуса Чаптыкова⁴⁰, надписи, хранящиеся в Абаканском и Красноярском музеях и др.), будет опубликован в ближайшее время.

Повторные публикации надписей, имевшие место в последние годы, к сожалению, не внесли почти ничего нового в их чтение и интерпретацию. Между тем этот участок освоения

³¹ А. Н. Бернштам, Древнетюркское письмо на р. Лене. — ЭВ, 1951, IV, стр. 85 (надпись на серебряной кружке из Уйбатского чаа-таса).

³² L. Bazin, L'inscription d'Uyug-Tarlîq. — «Acta Orientalia», Copenhagen, 1957, XXII, стр. 1—7.

³³ З. Б. Арагачы, Памятник с Элегеста. — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 235—237; ее же, Новые эпиграфические находки в Туве. — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 247—256 (Саргал-Аксы, Суглук-Адыр-Аксы, Канмыкдыг-Хову, Ортаа-Хем); ее же (совместно с Д. М. Насиловым), О надписи на скале Хая-Ужу, — там же, стр. 257—263.

³⁴ А. М. Шербака, Новая руническая надпись на камне. — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 238—241; ео же, Памятники рунического письма енисейских тюрок. — НАА, М., 1964, № 4, стр. 140—151 (Кызыл-Чираа I, II, Кёжээлиг-Хову, Телээ, Элэгес II); ео же, L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva). — UALB, 1964, XXXV, «B», стр. 145—149; ео же, Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. — ВДИ, 1960, № 2, стр. 139—141.

³⁵ И. А. Батманов, Еще о надписи на скале Хая-Ужу. — «Труды Кызыльского пединститута», 1963, III, стр. 239—242; И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа, Памятник из Ийме. — сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, стр. 92—94.

³⁶ А. К. Боровков, Енисейские надписи на сосудах. — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 194—196 (надписи на золотых сосудах из Коленского чаа-таса).

³⁷ Д. М. Насилов, О некоторых памятниках Минусинского музея. — НАА, 1963, № 6, стр. 124—129 (Улуг-Сайра?, Эль-Бажы, Чер-Чарык).

³⁸ Л. Р. Кызласов, Новый памятник енисейской письменности, стр. 104—113 (Ир-Холь; Элэгес II).

³⁹ И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа, Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, Кызыл, 1963, Чаа-Холь XIV, XVIII, XX, Оттук-Даш III, Кара-Суг, Барык I—IV, Элэгес I, II, Хербис-Баары, Саргал-Аксы, Кезек-Хурээ, Кызыл-Чираа I, II, Уюк-Туран, Кёжээлиг-Хову; вып. II, Кызыл, 1963 (Уюк-Тарлаг, Уюк-Аржан, Хемчик-Чиртагы, Оттук-Даш I, II, Бегре, Чаа-Холь I, «2-й памятник из Тувы», Сайгын); вып. III, Кызыл, 1965 (Кара-Булун I, II, III, Алды-Бель I, II, Ийме, «3-й памятник из Тувы», Чер-Чарык, «Памятник Минусинского музея» — Бай-Булун I, «1-й памятник из Тувы» — Бай-Булун II).

⁴⁰ По сведениям, полученным от Л. Р. Кызласова и А. Н. Липского. Можно с уверенностью сказать, что существует еще много неоткрытых памятников.

енисейских надписей, являющийся бесспорно важнейшим и во многом предопределяющим уровень их лингвистического и культурно-исторического исследования, еще далек от окончательной разработки. Достаточно познакомиться с несколькими примерами из одного текста — с Бедре, чтобы убедиться в этом. Так, в конце 3-й строки названного текста вместо *брунүмг карамыҕ азыдым а* (С. Е. Малов, № 11, 3) отчетливо читается *урунүмгә карамҕа аздым* и вместо перевода «теперь я глух (и слеп) к своим стадам» можно предложить нечто иное: «я перестал различать белое и черное», т. е. умер (*аз-* 'заблуждаться'), ср. там же, в 1-й строке: *күн аҕ аздым* 'я перестал различать солнце и луну'. Вместо *анта алыҕ адашыма анта сізімә йдгү ашмә абырылдым* 'там от своих бесчисленных друзей (или: от богатства и друзей) я отделился (т. е. умер) от вас моих, моих добрых товарищей' (С. Е. Малов, № 11, 8) лучше читать и переводить: *антлҕ адашма антсиз да йдгү ашмә адирлөдөм* 'от моих товарищей, связанных со мной клятвой, а также от моих хороших друзей, не дававших клятву, я отделился'. Для 9-й строки: *баш йагирмә јашымда табҕач канҕа бардым ар ардымим учун аллун алтун күмүшгә аҕримәб әл дә киші казҕандым а* 'в мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору ради моих способностей по героизму (*аллун?*); золото, серебро, дорогие ткани, в (китайском) государстве (и) людей (жену?) я приобрел' (С. Е. Малов, № 11, 9) предпочтительнее следующий перевод: «в мои пятнадцать лет я отправился к китайскому императору и благодаря моему мужеству и умению (*аллун?*) приобрел золото, серебро, одnogорбых верблюдов (*йгрі тәбә*)... .. (*әлдә киші?*)». Ср. надпись на памятнике с р. Телээ (№ 46): *әлдә кишим йгрі тәбәм төрт боталым јәлкім...*⁴¹. Сочетание *йгрі тәбә* означает «одnogорбый верблюд»⁴². Все другие варианты его толкования, например: *аҕир ит әбі* 'конура собаки агир' (В. В. Радлов), *аҕримәбі* 'его попова' (В. Томсен, С. Е. Малов), *йгримәбі* 'обязан' («deruhde etitip», X. Н. Оркун), недостаточно убедительны. Кстати, наличие в этом сочетании слова *йгрі* следует считать вполне обычным, ср. у Махмуда Кашгарского: *тәвә бојһиң йгрі тәр* 'шею верблюда называют кривой (горбатой)' (МК I, 127). Существенные изменения должны быть внесены также в чтение и перевод памятников № 2, 3, 5, 10 и т. д. Разумеется, внесение исправлений несколько не умаляет заслуг предшествовавших исследо-

⁴¹ См.: А. М. Щербак, Памятники рунического письма енисейских тюрок, стр. 146.

⁴² См.: R. Giraud, L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique, Paris, 1961, стр. 113; Jean-Paul Roux, Le chameau en Asie Centrale, — CAJ, 1959, V, 1, стр. 37.

вателей: чтение и перевод надписей, имеющих небольшие размеры и сохранившихся неполностью, связаны с большими трудностями, преодолеть которые можно только в результате длительного и упорного труда многих специалистов. В этой связи уместно привести здесь одно из высказываний С. Е. Малова, содержащееся в предисловии к «Енисейской письменности тюрков». Указывая на необходимость уточнения старых переводов, он пишет: «Моя цель: заменить эти прежние переводы енисейских надгробий новыми. „Я сделал, что мог, а лучшее пусть сделают могучие“. Работы еще много».

В настоящее время остро ощущается необходимость в издании полного собрания енисейских надписей с фотографиями, эстампажами, уточненным чтением и переводом и подробным филологическим комментарием. Осуществление такого издания явилось бы началом нового этапа в изучении енисейской руники.

Тамги на стелах с эпитафиями и в наскальных надписях (см. табл. 1) изданы Э. Р. Рыгдылоном⁴³ и Л. Р. Кызласовым⁴⁴, причем последним из них была предпринята оригинальная попытка установить по тамговым знакам и расположению памятников генеалогию «древнехакасских» правителей и границы их феодальных уделов. Охарактеризовав тамги как наследственные родовые знаки, Л. Р. Кызласов затем приходит к выводу, что усложнение каждого элементарного типа является свидетельством перехода от одного поколения к другому по нисходящей линии⁴⁵. Этот вывод заслуживает серьезного внимания и должен быть проверен с учетом палеографических и других данных. При этом следует сразу же заметить, что палеографические данные сами по себе не имеют решающего значения для определения относительной хронологии памятников: надписи в пределах одного и того же бага могли выбивать разные мастера.

IV. Общая характеристика енисейских надписей и их содержания предваряет почти любую специальную работу.

Енисейские надписи не велики: каждая из них состоит из нескольких строк, располагающихся вдоль камня. Самая большая надпись — Уйбат III (№ 32) — насчитывает более 400 знаков.

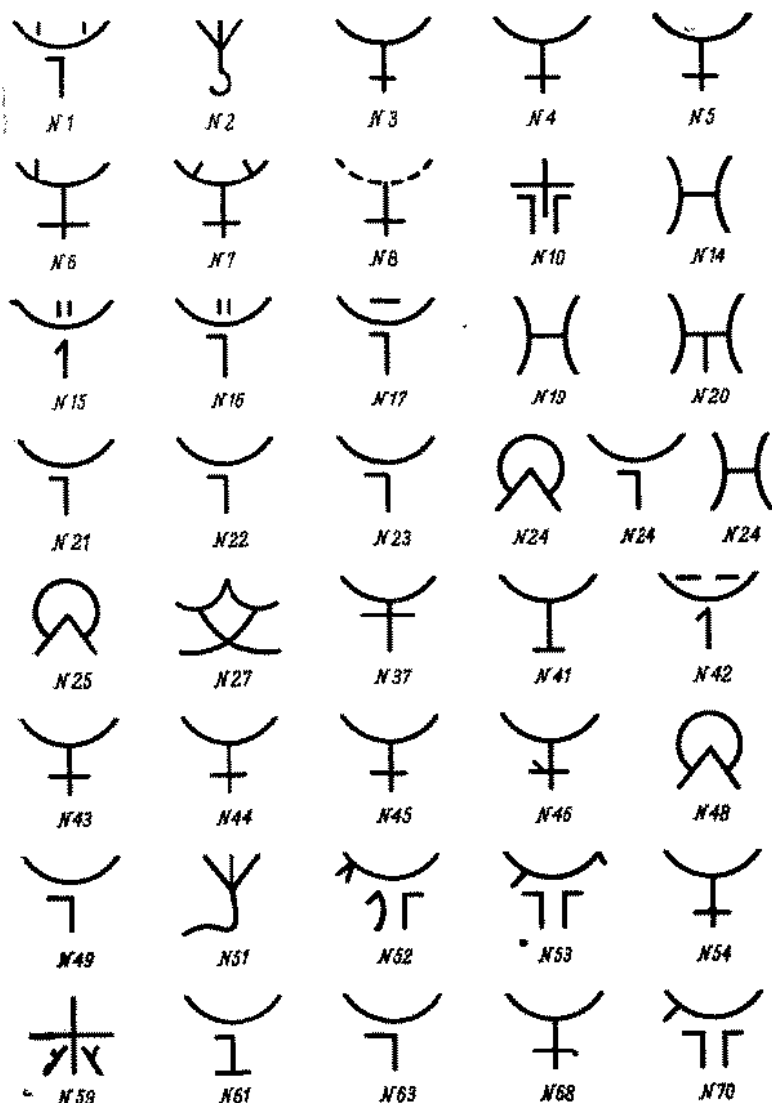
Тексты надписей представляют собой обычное прозаическое

⁴³ Э. Р. Рыгдылов. О знаках на плитах с руническими надписями, — ЭВ, 1954, IX, стр. 63—72.

⁴⁴ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 104—118; его же. О датировке памятников енисейской письменности, стр. 38—49.

⁴⁵ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 105—107.

Табл. 1

повествование⁴⁶. Правда, существует и другая точка зрения, согласно которой их следовало бы отнести к числу поэтических

⁴⁶ См.: В. М. Жирмунский, Некоторые проблемы теории тюркского стиха (тезисы доклада), — «Тюркологическая конференция, Ленинград, 7—10 июня», Л., 1967; L. Hřebíček, Are the Old-Turkic Inscriptions written in Verses? — AOr, 1967, XXXV, 3, стр. 477—482.

произведений. Эта точка зрения подробно излагается в монографии И. В. Стеблевой⁴⁷, которая рассматривает древнетюркское стихосложение как тонико-темпоральное (*resp.* тоническое, так как признак «темпоральности» обязателен для ритма вообще).

Выбор того или иного принципа стихосложения — тонического, квантитативного, силлабического или силлабо-тонического — предопределяется обычно историческими или чисто языковыми обстоятельствами. Так, например, исторические обстоятельства способствовали внедрению в поэзию ряда тюркских народов квантитативного метра (аруза). С другой стороны, чисто языковые факторы — более или менее равномерное распределение ударения с преобладающим усилением его в конце слова, исключающее возможность соразмерного чередования ударных и неударных слогов, — создали благоприятную почву для развития у тюркских народов силлабического стиха. Что касается тонической системы стихосложения, то для использования ее древними тюркскими народами не было ни исторических, ни языковых условий, и, таким образом, мы вправе считать, что древнетюркский народный стих, как и современный, был силлабическим, построенным по принципу изосиллабизма разных строк и повторяемости ритмических частей внутри каждой строки.

Итак, чтобы решить вопрос о правомерности рассмотрения енисейских текстов как поэтических произведений, необходимо установить, возможна ли разбивка их на стихотворные строки и строфы исходя из принципов построения силлабического стиха. Совершенно очевидно, что такая возможность отсутствует. См., например, начало текста из Кёжээлиг-Хову (№ 45) в поэтической записи И. В. Стеблевой:

- (1) 1. *облан атім Чубуч*
2. *їнал... тә атім Күмүл бга*
- (2) 3. *бѣш јашїмта каңсїз калїн*
4. *токуз јѣгірмі јашїмѣ бгсѣз болун*
- (3) 5. *катїѣланїп*
6. *отуз јашїмѣ бга болтум*⁴⁸.

⁴⁷ См.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1963 (тексты енисейских эпитафий приводятся на стр. 97—102). Еще раньше А. Н. Бернштам высказал предположение, что енисейские эпитафии являются первыми поэтическими произведениями киргизской литературы (А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы. — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», Фрунзе, 1945, I, стр. 80 и сл.).

⁴⁸ И. В. Стеблева, Поэзия тюрков... стр. 99 (в транскрипцию и интерпретацию текста, приведенного в издании И. В. Стеблевой, мною внесены небольшие изменения. — А. Ш.).

Абсолютное большинство енисейских надписей — эпитафии. В начале их приводится имя покойного, описание его жизни, походов, сражений, затем выражается неудовлетворенность земным существованием и скорбь по поводу разлуки с родственниками, близкими, воинами и т. д.

Широко распространено мнение, что енисейские надписи не являются связными текстами, очень примитивны⁴⁹ и отражают стадию дологического мышления⁵⁰. В самом деле, указанные надписи, как правило, лишены композиционной стройности и производят впечатление случайного набора отрывочных фраз, и все же примитивизм их скорее следствие недостаточной изученности, чем отражение каких-либо объективных моментов.

V. Палеографическим исследованием енисейских надписей в сравнении с орхонскими и таласскими и в связи с выяснением общих вопросов развития рунической письменности занимались В. В. Радлов и С. В. Киселев. В. В. Радлов и вслед за ним некоторые другие тюркологи подчеркивали значительное расхождение между енисейским и орхонским алфавитами. На этом основании и принимая также во внимание отсутствие на территории между р. Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов надписей, В. В. Радлов делал заключение о параллельном и независимом друг от друга развитии двух упомянутых разновидностей рунического письма. Местом, где произошло разветвление некогда единого алфавита, была, как он предполагает, территория, примыкающая к Черному Иртышу, от которой сравнительно недалеко до р. Хемчик и из которой вместе с тем нетрудно было пройти в бассейн р. Орхон⁵¹.

С. В. Киселев разделял точку зрения В. В. Радлова о параллельном развитии енисейских и орхонских рун, но, учитывая, что «на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше» надписей нет, считал колыбелью рунической письменности и исходным пунктом ее распространения Семиречье. Следует также отметить, что, по мнению С. В. Киселева, енисейские руны палеографически близки к таласским и, будучи более древними, чем орхонские, отражают «ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм»⁵².

В отличие от В. В. Радлова и С. В. Киселева А. Габен

⁴⁹ См.: G. Clauson, *Turkish and Mongolian Studies*, London, 1962 («Prize Publication Fund», vol. XX), стр. 69.

⁵⁰ См.: L. Bazin, *La turcologie: bilan provisoire*, — «Diogenes», Gallimard, 1958, № 24, стр. 106.

⁵¹ W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 301.

⁵² С. В. Киселев, *Краткий очерк древней истории хакасов, Абакан*, 1951, стр. 70—73; его же, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 607—610.

Табл. 2

	Енисейск.		Орхонск.
	Тув.	Хак.	
а, ä, ă	М	М	М
ä	Х Х Х	Х Х Х	—
б ¹	Ј Ј Ј О О О	Ј О ?	Ј Ј
б ²	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ	Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ
б	ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ	ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ ʼ	ʼ ʼ ʼ ʼ
г	Є Є Є Є Є Є Є Є	Є Є	Є Є Є
д ¹	» » » » » »	» »	»
д ²	Х ⊗	Х	Х
з	Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч	Ч Ч Ч	Ч Ч
і, і, ă	Г	Г	Г
ј ¹	Д Д	Д	Д
ј ²	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ	Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ
ј	—	—	Ѣ
к	Н Н Н Н Н	Н Н	Н Н
к	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ
(о)к, (у)к	↓ ↑	↓ ↑	↓
(ö)к, (ÿ)к	В В	В	В
(і)к	▷	—	▷
л ¹	Ј	Ј	Ј
л ²	У	У	У

намечает следующий путь и последовательность развития рунической письменности: 1. Талас, 2. Енисей, 3. Орхон⁵³.

Пока трудно принять или отвергнуть какую-либо из приведенных выше точек зрения. Мы можем только указать на незначительность различий между руническими алфавитами Хакасии, Тувы и Монголии и проиллюстрировать это соответствующей таблицей. Как показывает последняя (табл. 2), первые два алфавита отличаются от третьего главным образом большим разнообразием графических вариантов.

VI. Наиболее полный список енисейских рун (с вариантами) приводят в своих работах А. Габен⁵⁴ и И. А. Батманов⁵⁵, подробное описание дано Дж. Клосоном⁵⁶.

В енисейском руническом алфавите 39 знаков, не считая те, которые не поддаются определенному чтению или являются не вполне обычными для него (например, знаки на пряслице, имеющие явно выраженный не-енисейский характер). Из них 5 служат для передачи гласных: *a—ä—ä̃, ä, i—i—ĩ, o—u, ö—y* и 28—для передачи согласных: *b, ɓ, d, j, k, l, n, ɲ, p, s, t, ʃ* (по два знака для каждого согласного, обозначающих велярный и палатальный варианты), *z, m, ɱ, ɯ* (по одному знаку, без различия указанных вариантов). Шесть знаков используются для передачи сочетаний гласного с согласным или согласного с согласным: *ok—uk, ök—ük, ik—ik, at, nt, ɳ*.

Расшифровка большинства знаков енисейского алфавита является окончательной и общепринятой, чтение же некоторых из них периодически подвергается пересмотру или уточнению. Так, В. Томсен предложил читать знак *ʃ* как закрытый *ä̃*⁵⁷, а Дж. Клосон высказался в пользу более широкой интерпретации рун, обозначающих *b, n* и *d* (*b—v, n—ɸ* и *d—ð*)⁵⁸. Предположения В. Томсена и Дж. Клосона не встречают больших препятствий с фактической стороны. Тем не менее для окончательного решения этого вопроса необходимо иметь параллельные тексты, записанные другими алфавитами, или толкования рун, наподобие того, которое было издано Х. Н. Оркуном (к сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент)⁵⁹. Особенно часто вносятся

⁵³ A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», phil.-hist. Kl., Jg. 1948, III, Berlin, 1950, стр. 12.

⁵⁴ A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, 2. verb. Aufl., Leipzig, 1950, стр. 12.

⁵⁵ И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 16 (табл.).

⁵⁶ G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69—84.

⁵⁷ V. Thomsen, Une lettre méconnue des inscriptions de l'énissei, — JSFOu, 1916, XXX, стр. 1—9.

⁵⁸ G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 77.

⁵⁹ H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, II, стр. 24.

коррективы в чтение знака **М**. В. Банг рассматривал его как идеограмму для *баш* в значении «голова, вершина горы»⁸⁰, Р. Жиро считал указанный знак своеобразной лигатурой, передающей сочетание *ча (чд)*⁸¹, а Дж. Клосон — лигатурой, передающей сочетание *лѣк* или *лѣк*⁸².

VII. Язык енисейских надписей постоянно находился в центре внимания тюркологов, интересующихся вопросами истории тюркских языков. Описание его в различных аспектах содержат упомянутые выше работы В. Томсена, В. В. Радлова, Х. Н. Оркуна, С. Е. Малова и, кроме того, работы К. Брокельмана⁸³, И. А. Батманова, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкина⁸⁴, В. М. Насилова⁸⁵ и др.

VII. 1. Лексика исследовалась преимущественно с целью выделения таких слов, которые имеют ограниченное распространение в тюркских языках и, таким образом, могут указывать на языковую принадлежность текстов. Уточнялись значения отдельных слов и фразеологических сочетаний⁸⁶.

В надписях встречается около 300 слов, относящихся к разным тематическим группам, ср.:

названия космических тел и явлений
ај 'луна', *күн* 'солнце', *јэр* 'земля', *суб* 'вода', *тэңри* 'небо', *булут* 'облако';

названия частей тела
адак 'нога', *кол* 'рука', *баш* 'голова', *бэл* 'поясница', *јүрэк* 'сердце';

термины родства
эка 'старшая сестра', *эр* 'муж, мужчина', *эчи* 'старший брат', *ини* 'младший брат', *јанчи*...(?), *јотуз* 'жена, женщина', *јурчи* 'шурин', 'свояченица', *кадаш* 'родственник', *каң* 'отец', *кадин*

⁸⁰ W. Bang, Turcica, — «Mitteilungen der Vorderasiatische Gesellschaft», Jg. 1916, Leipzig, 1917, стр. 289. Чтение В. Банга было принято С. Е. Маловым («Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии», стр. 65).

⁸¹ R. Giraud, L'inscription de Bañ Tsokto, стр. 52.

⁸² G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 73. См. также G. J. Ramstedt, J. G. Grand und Pentti Aalto, Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei, — JSFOu, 1958, IX, стр. 55.

О чтении других знаков см.: O. N. Tuna, On the Phonetic Values of the Symbols **X**, **⊗**, **⋈** Used in Some of the Texts in Kök-Turkish Script, — CAJ, 1966, XI, 4, стр. 241 и сл.

⁸³ C. Brockelmann, Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Ienissei-Gebiet, — UAJb, 1952, XXIV, 1—2, стр. 137—142.

⁸⁴ И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности; И. А. Батманов, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962.

⁸⁵ В. М. Насилов, Язык орхон-енисейских памятников, М., 1960.

⁸⁶ См., например: T. Tekin, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions, — UAJb, 1964, XXXV, «В», стр. 134—144 (о слове *эиз*, *эизим* 'жаль', 'увы').

'тесть', *kīz* 'девушка', 'дочь', *kālīn* 'невестка', *kūdāgu* 'зять', *kūn* (*kin*) 'родственница', *obul* (*облан*) 'мальчик, юшоша', 'сын', *ōg* 'мать', *uja* 'родственники', *toñūr* 'свойственники' и т. д.

В ряде работ получили толкование термины, связанные с общественным устройством древних тюрков: *äl* 'племенной союз', *bodun* (*кара бодун*) 'народ', *baß* 'феодалный надел' (согласно толкованию Л. Р. Кызласоза); титулы и звания: *älci*, *bäg*, *inal*, *inanču*, *iräki*, *jалабач*, *jämliğ*, *ögä*, *kan*, *saңun*, *таркан*, *māgin*, *тутук*, *чабīш*, *чигші*, *чур*, *шад*; этнонимы: *türgäš* *äl* (№ 37), *jūz kumul bodun* (№ 44, 45), *токуз татар* (№ 59)⁶⁷.

VII, 2. Исследование фонетики проводилось по линии установления звуков и основных фонетических явлений.

Опираясь на анализ текстов и учитывая другие факты, можно предположить, что в языке енисейских надписей было девять гласных фонем (различение открытого и закрытого *ä* не являлось исконым: закрытый *ä* встречается в соседстве с *j* и на месте общетюркского **ä*).

Для языка надписей характерно наличие последовательно выраженной палатально-велярной и проявляющейся частично губной гармонии гласных. При этом огубленные гласные обозначались регулярно лишь в первом слоге и в конце слова; во втором и третьем (закрытом) слогах имели место колебания. Так, для ряда текстов графическое изображение огубленных гласных в первых слогах полностью исключено, в отдельных текстах оно наблюдается в одном-двух словах, ср. **ENYN** *кулуг* 'известный, знаменитый' (№ 6, 7), **ŷYŷŷ** *буну-суз* 'беспечальный' (№ 6, 7), **ŷJŷ** *облум* 'мой сын' (№ 20), **ŷŷŷ** *бодун* 'народ' (№ 32), а в надписи из Кежээлиг-Хову (№ 45) является сплошным, ср. **YN** *кумул* — этноним, **ŷŷŷ** *Чубуч* — имя собственное, **ŷJŷ** *токуз* 'девять', **ŷNEN** *өгсүз* 'без матери', **ŷJŷ** *болул* 'став', **ŷŷŷ** *отуз* 'тридцать', **ŷŷŷJŷ** *болтум* 'я стал', **ŷŷŷŷŷ** *тутдум* 'я держал', **ŷŷŷŷ** *бодун* 'народ', **ŷŷŷŷ** *субум* 'моя вода', **ŷŷŷŷŷŷ** *кунчујум* 'моя госпожа', **ŷNŷNŷN** *үрүңүм* 'мое «белое»', **ŷŷŷŷŷŷ** *бодунум* 'мой народ', **ŷNŷN** *үкүш* 'много', **ŷŷŷŷŷŷ** *бултум* 'я на-

⁶⁷ M. F. Köprülü, Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur, — KCsA, Budapest, 1938, I. Ergänzungsband, 4, стр. 334—336; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 23, 31, 42, 91; L. Bazin, L'antiquité méconnue du titre turc «*čavuş*», — «1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications linguistiques», Sofia, 1966, стр. 7—11, 13.

шел, «собрал». Вопрос о возможности существования гармонии согласных остается пока открытым. По-видимому, был прав В. Томсен, который в отличие от И. Крамского⁶⁸ и некоторых других тюркологов видел в парности графической передачи согласных не отражение их собственных различий, а прием обозначения тембра соседних гласных⁶⁹.

В распределении согласных прослеживаются особенности, типичные для восточной (так называемой уйгуро-карлукской) группы тюркских языков. В енисейских надписях нет ни одного слова, которое бы начиналось согласными *б, г, д, з, л, м, н, ң, п, р, ш*. Из звонких в начальной позиции возможны только *б* и *ј*. В конце слова встречаются любые согласные.

Обращает на себя внимание большая устойчивость качества глухих шумных согласных в положении перед гласными при наращении морфологических элементов, ср. *kīzvakīm* (*kīzvak*) 'мой дочери' (№ 3), *joluкаfīn* (*jолук*) 'встречусь-ка я' (№ 10), *тукāti* (*тукām*) 'полностью' (№ 11), *атīm* (*ат*) 'мое имя' (№ 15), *кэjiki* (*кэjik*) 'его газели', *барсīm* (*барс*) 'мой барс' (№ 28), *эгсүкүм* (*эгсүк*) 'мои недостатки', *јүрākīm* (*јүрāk*) 'мое сердце', *тусум* (*тус*) 'польза, принесенная мною' (№ 44).

В соседстве с любыми гласными и согласными, кроме сонорных, завершающих основу, в начале аффиксальных морфем наблюдаются обычно звонкие смычные согласные: *тапdīm* 'я оказывал услуги, служил' (№ 13, 46), *элdī* 'она носила' (№ 28), *кэjikdā* '(среди) зверей', *јаfīda* '(среди) врагов' (№ 44), *тутdум* 'я держал', *азdīm* 'я заблудился' (№ 45), *куfda* 'в покоях, в тереме' (№ 46), *токуз элг јашda* 'в 49 лет'. Ср. также: *артзун* 'пусть увеличится' (№ 48), где в начале аффикса после глухого смычного согласного оказывается звонкий шелевой. В сочетании же с сонорными согласными на месте второго компонента выступают как глухие, так и звонкие смычные, например: *јашīmda* 'в моем возрасте', *элīmкā* 'моему племенному союзу', *эртīm* 'я был', *бодунка* 'народу' (№ 1), *бэлīmтā* 'на моей поясице', *бантīm* 'я повязал себе', *элīmтā* 'в моем племенном союзе', *јунтум* 'мои лошади', *адірlтīm* 'я отделился' (№ 3), *болдум* 'я стал', *кlлдī* 'он сделал', *эрдā* '(среди) мужей', *адірlлdīm* 'я отделился' (№ 6), *тэкрlдāкi* 'находящийся на небе', *кункā* 'солнцу', *јэрдāкi* 'находящийся на земле', *офлумка* 'в отношении моих сыновей', *адірlлdīm* 'я отделился' (№ 7), *олұртұм* 'я убил', *кlрк јашīmda* 'в мои сорок лет' (№ 44), *бэш јашīmта* 'в мои пять лет', *токуз јэгlрmі јашīmба* 'к моим де-

⁶⁸ J. Krámský, Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den uralaltaischen Sprachen, — ZDMG, Wiesbaden, 1956, CVI, стр. 126, 127.

⁶⁹ [V. Thomsen], Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (MSFOu, V), стр. 17.

вятнадцати годам', *болтум* 'я стал', *кунга* 'в отношении солнца', *јунтум* 'мои лошади', *кїлтїм* 'я сделал' (№ 45) и т. д. Различия в качестве аффиксальных смычных, выступающих после шумных смычных основы и после сонантов, остаются пока необъясненными. Напомним, что О. Прицак высказал предположение о существовании в древних тюркских языках оппозиции начальных согласных в аффиксах по признаку силы/слабости, например: *-ti* (афф. наречий) и *-di* (афф. глагольной формы прошедшего времени), *-ka* (афф. дательного падежа) и *-ba(ru)* (афф. направительного падежа) и т. д. В соседстве с сонантами, по мнению О. Прицака, слабые согласные вследствие диссимилятивных изменений превращались в сильные, и таким образом происходила нейтрализация указанной оппозиции: *нд > нт*, *лд > лт*, *рд > рт*⁷⁰.

Примечательной особенностью языка надписей является отражение пратюркского *δ* в виде *д*, ср.: *куддзгу* 'зять' (№ 3), *адак* 'нога' (№ 10), *кадїн* 'тесть' (№ 17), *адїрїлтїм* 'я отделился' (№ 43), *бодунум* 'мой народ', *бздук* 'великий' (№ 45), и в виде *ј*: *кзїкдд* '(среди) зверей' (№ 44). В данном случае, возможно, употреблялся межзубный *δ*, для которого не было специального знака и который поэтому обозначался ближайшими графическими средствами.

VII. 3. Изучение морфологии из-за небольших размеров и нарочитой однотипности синтаксических конструкций было ограниченным и носило эпизодический характер⁷¹. Приведем полный перечень встречающихся форм: местный падеж на *-да--дд--та--тд*, винительный падеж на *-їб--їг--уб--ўг*, дательный на *-ба--гд--ка--кд*, *-а--д*, орудный на *-їн--ін*; формы принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа на *-їм--ім--ум--ўм*, *-їң--ің--уң--ўң*, *-(с)ї--(с)і* и 2-го лица мн. числа на *-їңїз--іңїз--уңуз--ўңўз*; относительные прилагательные на *-лїб--лїг--луб--лўг*, *-кї--кї*, *-дакї--ддкї--такї--тдкї*; формы отыменного и отглагольного образования имен на *-к--к*, *-дам*; прошедшее категорическое на *-дї--дї--ду--дў--тї--тї--ту--ту*; форма страдательного залога на *-їл--їл*; форма возвратного залога на *-їн--ін*; форма совместно-взаимного залога на *-їш--їш*; форма каузатива на *-ур--ўр*; формы повелительно-желательного наклонения 1-го, 2-го и 3-го лица на *-аїн--дїн*, —, *-бїл--гїл*, *-їң--ің*, *-зун--сун*; форма условного наклонения на *-сар--сдр*; отглагольные имена-причастия на *-дук--дук*, *-мїш--мїш*, *-ар--др--ур--ўр*; деепричастия на *-їл--їл*; форма именной привативности на *-сїз--сїз--суз--*

⁷⁰ О. Pritsak, Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, — UAJb, 1951, XXXI, 1—2, стр. 143.

⁷¹ См.: А. von Gabain, Über Ortsbezeichnungen im Altürkischen, — StO, 1950, XIV, стр. 1—14.

-суз; форма множественного числа на -лар~-лар; послелог *учун, бирд, ара, ичинд*.

Отметим, что употребление в енисейских надписях двух аффиксов дательного падежа (преимущественно для форм принадлежности) не служит целям различения каких-либо семантических оттенков⁷². Причины подобной двойственности пока не ясны.

VII, 4. Большие усилия были приложены для отыскания в языке енисейских надписей следов разных говоров.

И. А. Батманов, начавший работу в этой области несколько лет назад, выделил два наречия, различающихся рефлексими общетюркского *ä (ä — наречие и i — наречие), и шесть диалектов — в зависимости от характера отражения общетюркских *с и *ш, по три в каждом наречии (ш — диалект, ш > с — диалект и с > ш — диалект)⁷³. Нисколько не отрицая положительного значения поисков И. А. Батманова, мы должны вместе с тем отметить недостаточную обоснованность разграничения енисейских текстов по названным признакам и прежде всего по признаку употребления i вместо ä. Хорошо известно, что почти все рунические знаки, служившие для передачи гласных, были полифонными и что знак Г обозначал не только i(i), но и ä⁷⁴. Поэтому в памятниках № 6, 15, 26—29, 31, 32, которые И. А. Батманов относит к i-наречию, параллельно встречаются слова с пропуском знака, обычно рассматриваемым как способ передачи ä (ä), см., например, äp 'мужской', mägün 'принц', бэи 'я', ädзү 'хороший', älig—50. Кстати, кажущееся появление i вместо ä имеет место почти исключительно в словах äл 'племенной союз', äлт- 'носить', älig—50 и äчи 'старший брат' и наблюдается чрезвычайно редко (№ 6 — один случай, № 15 — один, № 26 — два, № 27 — два, № 28 — три, № 29 — три). Приблизительно так же обстоит дело с выделением диалектов по признаку употребления с вместо ш и ш вместо с⁷⁵. Енисейские тюрки имели в своем распоряжении два знака для с (У с различными вариантами — твердоярдыный с, Г — мягкорядный с) и

⁷² Иную точку зрения высказывает Л. Базен. См.: L. Bazin, L'inscription d'Uyug-Tarliq, стр. 1—7.

⁷³ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисеика, стр. 45—50; И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 297. См. также: T. Tekin, Bir «runik» harfin fonetik değeri hakkında, — «Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü yayınları»: 19, Seri: I — Sayı: A 2 (Reşid Rahmeti Arat için), Ankara, 1966, стр. 412—417.

⁷⁴ См.: V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon..., стр. 14—16 (изложение см. в работе: П. М. Мелноранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ВБОРАО, 1899, XII, стр. 20—21); W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems, — ИАН, СПб., 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

⁷⁵ Для некоторых надписей способ передачи с и ш установить невозможно из-за отсутствия в них слов с указанными звуками. Памятник № 41 не учтен по той причине, что в своей значительной части он до сих пор не поддается чтению и таит в себе много загадочного.

один знак для *ш* (Λ, в некоторых надписях, например, № 15, 16 — или , см. № 2, 3, 6, 13, 18, 25, 28, 30, 34, 42, 44, 45, 48, 49, 51⁷⁶. В четырех текстах (№ 10, 11, 29, 59) средства передачи *с* и *ш* распределены несколько иначе: Υ — твердорядные *с*, *ш*, | — мягкорядный *с*, Λ — мягкорядный *ш*, однако и в этом случае, вызванном необходимостью различения твердорядного и мягкорядного *ш*, полного совпадения графической передачи *с* и *ш* не было (мягкорядные *с* и *ш* передавались разными знаками).

Дж. Клосон использовал в качестве разграничительного признака фонетический облик местоимения 1-го лица ед. числа: *мэн* — в надписях из Хакасии (исключения — № 37, 48), *бэн* — в надписях из Тувы (исключения — № 10, 45)⁷⁷. Этот признак, вообще говоря, примечателен и используется при классификации тюркских языков, но в данном случае он не имеет решающего значения, так как в других словах соответствующей группы подобное разграничение не наблюдается и в начале слова выступает только *б*, ср. *биң* — 1000, *буң* 'печаль', *бэнгү* 'вечный', *бін* 'садиться верхом'.

Таким образом, попытки выделить в языке енисейских надписей разные диалекты пока не принесли ощутимых результатов. Разумеется, это не значит, что на огромной территории Тувы и Хакасии был совершенно единый язык. Мы вправе говорить об отсутствии заметных диалектных различий, лишь имея в виду язык письменных памятников.

VII. 5. Об отношении языка енисейских надписей к современным тюркским языкам высказывались разные мнения. Первые исследователи рунических текстов были единодушны в признании наличия большого количества особенностей, сближающих их язык с огузскими и карлукско-уйгурскими языками. Действительно, состав звуков и их распределение (например, наличие *ј* и *б* в аялауте, присутствие глухих согласных в интервокальном положении, состав грамматических форм и способ образования числительных, обозначающих десятки) не позволяют сделать иного вывода. Тем не менее тюркологи, изучавшие язык надписей в последующий период, сочли возможным квалифицировать его как древнейшее состояние в первую очередь киргизского⁷⁸ или тувинского и хакасского языков⁷⁹. Правда, новая точка зрения имеет строго определенные локальные границы и широкого распространения в среде специалистов не получила. Еще

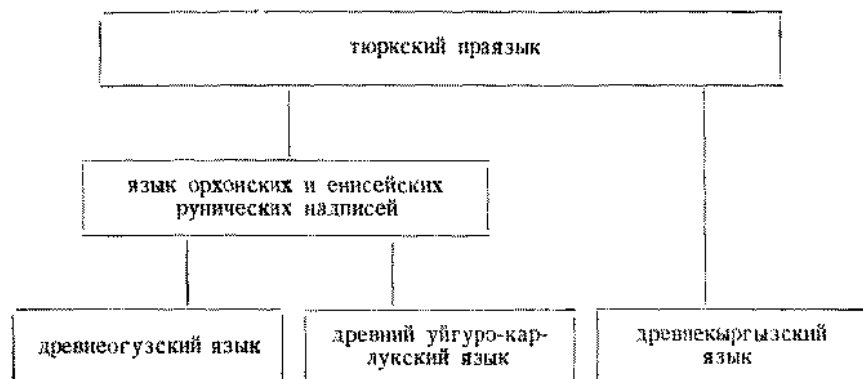
⁷⁶ Подробно об этом см.: А. М. Щербак. Памятники рунического письма енисейских тюрков, стр. 150.

⁷⁷ G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69.

⁷⁸ См.: А. Н. Бернштам. Истоки киргизской литературы, стр. 80.

⁷⁹ И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников, стр. 294, 297.

в 1940 г. К. К. Юдахин справедливо заметил, что «лингвистических данных для сближения языка этих надписей с современным киргизским языком пока нет»⁸⁰. Добавим, что нет никаких лингвистических данных и для сближения его с тувинским и хакасским языками. Конечно, современные языки отделены от языка енисейских тюрок большим периодом времени, и поэтому различия между ними могут быть следствием исторических изменений. Однако объяснить все различия историческими изменениями невозможно. Дело в том, что язык енисейских надписей отражает такой модус развития общетюркского языкового достояния, который, как мы осмеливаемся утверждать, никогда не мог быть одним из древних срезов киргизского, хакасского или тувинского языков. Поясним эту мысль небольшой схемой, имеющей чисто прикладное значение:

Для общего представления о языке надписей важное значение имеет фонетический облик различных слов: *уц* 'три', *бэш* 'пять', *эшид* 'слышать', *јэти* 'семь', *сэкиз* 'восемь', *токуз* 'девять', *јөрү* 'ходить', *јүз* 'сто', *кач* 'бежать, убегать'; структура числительных, обозначающих десятки: *јэгірми*—20, *отуз*—30, *кёрк*—40, *элиг*—50, *алтмыш*—60, *јетмиш*—70 (ср. турецк., узб. *јетмиш*, кирг. *жэтмиш*, хак. *читон*, тув. *чэдоэн*); состав грамматических форм: причастия на *-мыш*—*миш*, *-дук* и т. д.

VIII. Вопрос о датировке енисейских надписей—один из наиболее трудных: в самих текстах нет ни прямых, ни косвенных указаний на время их составления. В. В. Радлов, опиравшийся на содержание текстов и палеографические данные, относил их к концу VII или началу VIII в.⁸¹ В. Томсен и П. М. Мелиоран-

⁸⁰ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 6.

⁸¹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, стр. 301—303.

ский, которые воспринимали енисейскую письменность как более архаическую по сравнению с орхонской, относили составление надписей к VI—VII вв.⁶², С. Е. Малов — к V—VI вв.⁶³. Против датировки В. Томсена, П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова выступил Л. Р. Кызласов, который, ссылаясь на археологические данные, решительно заявил, что все известные енисейские надписи, за исключением двух на камнях (№ 32, 40) и трех на сосудах, были составлены не ранее IX—X вв. Третий памятник с Уйбата (№ 32) Л. Р. Кызласов датировал VII в., а памятник с Ташеба (№ 40) — VIII в.⁶⁴. Точку зрения Л. Р. Кызласова разделяет Дж. Клосон, отмечающий вместе с тем отсутствие достаточных оснований для отнесения к более раннему, чем IX в., времени памятников № 32 и № 40⁶⁵.

IX. Проблема происхождения енисейского рунического алфавита, как и вообще рунического письма у тюрков, привлекала к себе внимание специалистов главным образом в конце прошлого столетия. Сразу же после расшифровки орхоно-енисейского алфавита В. Томсен указал в общей форме на связь тюркских рун с арамейскими буквами⁶⁶, а О. Доннер предпринял попытку сблизить их с одной из разновидностей арамейского письма, зафиксированной на аршакидских монетах⁶⁷. Почти одновременно с работами В. Томсена и О. Доннера появились статьи Н. А. Аристова⁶⁸ и Н. Маллицкого⁶⁹, в которых была высказана мысль о происхождении древнетюркских рун из тамг, оформившаяся впоследствии в гипотезу о существовании особого тамгово-пиктографического этапа развития древнетюркской письменности⁷⁰. В некотором смысле компромиссной явилась точка зрения Д. Н. Соколова, поддержавшего гипотезу В. Томсена и О. Доннера и в то же время высказавшего предположение о роли формы тамг в «национализации» букв

⁶² V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, стр. 53; П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 47—48.

⁶³ С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 7—8. См. также: Н. А. Батманов, *О датировке енисейских памятников*, стр. 291—302.

⁶⁴ Л. Р. Кызласов, *Новая датировка памятников енисейской письменности*, стр. 96, 117—120.

⁶⁵ G. Clauson, *Turkish and Mongolian Studies*, стр. 70.

⁶⁶ V. Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'éniseï*, Copenhague, 1894, стр. 47.

⁶⁷ O. Donner, *Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie*, — JSFOu, 1896, XIV, стр. 5, 44.

⁶⁸ Н. А. Аристов, *Опыт выяснения этнического состава киргиз-казков большой орды и каракиргизов...* — «Живая старина», СПб., 1894, III—IV, стр. 418—419.

⁶⁹ Н. Маллицкий, *О связи тюркских тамг с орхонскими письменами*, — ПТКЛА, год третий. 1897—1898, стр. 43—46.

⁷⁰ См.: А. Соколов, *От камня к печатному станку*. — «Культура и письменность Востока», Баку, 1928, II, стр. 116, 118.

арамейского алфавита⁹¹. В 1938 г. А. Дж. Эмре выступил с попыткой идеографического объяснения всех знаков рунического письма⁹².

Из приведенных выше гипотез наиболее вероятной кажется первая. Использование арамейского письма древними тюрками явилось естественным выражением тех интенсивных культурных связей, которые они постоянно поддерживали с согдийцами, сыгравшими, как известно, важную роль в появлении у тюрков и двух других алфавитов — уйгурского и манихейского.

Х. Подробные библиографические данные, относящиеся к открытию и изучению енисейских надписей, имеются в названных выше работах и в специальном библиографическом указателе⁹³, который охватывает только дореволюционный период⁹⁴.

⁹¹ Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах. — «Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии», Оренбург, 1904, XIII, стр. 85.

⁹² А. С. Емре, Eski türk yazısının menşegi, İstanbul, 1938. О возможности идеографической интерпретации отдельных руи см.: Е. Д. Поливанов, Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита. — «Бюлл. САГУ», Ташкент, 1925, № 9, стр. 177—179; A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, стр. 11.

⁹³ А. Н. Самойлович, Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического об-ва», СПб., 1914, XV, 1, 1912, стр. 55—80.

⁹⁴ Считаю своим долгом выразить искреннюю глубокую благодарность Л. Р. Кызласову, информировавшему меня о новых находках в Хакасии и Туве и сделавшему, после ознакомления с рукописью настоящего обзора, много ценных замечаний. Благодарю также за полезные советы С. Г. Кляшторного.

С. Г. Кляшторный, В. А. Ромодин

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В АН СССР

Основы отечественной историографии тюркских народов Сибири, Центральной и Средней Азии были заложены в 20-е—80-е годы XIX в. Освоение письменных и нумизматических восточных источников, а также достижения географической науки (вкуче с этнографией) позволили тогда перейти от спорадической интерпретации разрозненных исторических сведений к их критической проверке и первым обобщениям (труды Х. Френа, Н. Я. Бичурина, Б. А. Дорна, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова, В. Г. Тизенгаузена и др.)¹. До конца прошлого столетия в центре внимания большинства исследователей оставался период между XIII—XVIII в. Лишь В. В. Радловым и отчасти Н. А. Аристовым были сделаны попытки осветить различные аспекты древней истории тюркских народов, привлекая для этого сведения древнетюркской письменности, археологические материалы, данные этнографии и результаты сравнительного изучения тюркских языков.

В конце XIX в. началась научная деятельность В. В. Бартольда, труды которого, завершив русскую дореволюционную историографию тюркских народов, начинают и их новую, советскую историографию². Его жизнь и научная деятельность непосредственно соединяют советское востоковедение с лучшими традициями старого русского востоковедения. Поэтому следует более подробно остановиться на работах В. В. Бартольда в области тюркологии.

В деятельности В. В. Бартольда можно выделить два периода, когда история тюркских народов разрабатывалась им особенно интенсивно, — это 1892—1899 и 1925—1930 гг.

¹ Подробнее см.: В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925; О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, Востоковедение в изданиях Академии наук, 1726—1917. Библиография, М., 1965.

² Труды В. В. Бартольда, посвященные истории тюркских народов, теперь переизданы. См.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. V, М., 1968. Некоторые тюркологические работы В. В. Бартольда вошли в состав предыдущих томов, главным образом в т. II (ч. 1—2, М., 1963—1964).

К первому периоду относятся работы, связанные главным образом с несколькими интересовавшими тогда В. В. Бартольда проблемами: формирование и характер огузского эпоса; историографическое значение впервые прочтенных тогда орхонских надписей; история Караханидов. В течение первых двух десятилетий XX в. В. В. Бартольд в сравнительно немногочисленных тюркологических работах редко выходил за пределы занимавших его ранее сюжетов, однако он серьезно углубил и обогатил новым материалом свои прежние разработки.

Труды по истории тюркских народов, созданные В. В. Бартольдом в 20-х годах нашего века, отличаются более широким проблемным и хронологическим диапазоном; в них реализуются огромная эрудиция и опыт исследователя, результаты более чем тридцатилетнего детального изучения им самых разнообразных источников, относящихся к истории тюркских народов; синтезируются итоги длительной работы по выявлению и многосторонней оценке самых разнообразных исторических фактов, которые в совокупности оказываются необходимыми элементами реконструируемой картины событий.

В обобщающих трудах В. В. Бартольда по истории тюркских народов, несмотря на многообразие сюжетов, не только не утрачиваются, но, напротив, находят наиболее полное воплощение качества, характерные для его более специальных и узких по теме работ: стремление к максимальной полноте используемых материалов, строгие критические оценки источников, scrupulousность в подходе к любому вопросу, возникающему в процессе исследования; этими обстоятельствами в немалой степени объясняется непреходящая ценность обобщающих работ В. В. Бартольда в области тюркологии, где быстрое накопление новых фактов не раз отодвигало на задний план и делало предметом лишь истории науки аналогичные попытки, предпринятые с более скромным научным багажом.

Проявившийся в середине 20-х годов интерес В. В. Бартольда к обобщающим темам, прежде всего тюркологическим, неразрывно связан с теми великими социальными изменениями, которые потрясли Туркестанский край после Октябрьской революции. Гигантские по размаху культурные преобразования и национальное строительство, начавшиеся в Туркестане едва завершилась гражданская война, поистине революционными темпами меняли лицо бывшей азиатской окраины Российской империи. Естественно, что ученый, отдавший многие годы жизни восстановлению исторического и культурного прошлого народов, населявших Среднюю Азию, не мог оказаться в стороне от разработки тех вопросов, решение которых имело большое значение и для последующей исторической жизни этих народов.

Не следует, конечно, упускать из виду, что даже самые

смелые предположения В. В. Бартольда о возможном будущем народов Средней Азии, о мерах, необходимых для улучшения их настоящего положения и для изучения их прошлого, появившиеся в некоторых дореволюционных работах и письмах ученого, не выходили за рамки гуманистических идей, распространенных среди прогрессивной части русской научной интеллигенции. Не всё и не сразу в происходивших после 1917 г. событиях было понято и принято В. В. Бартольдом. Но осознания своего долга ученого-патриота, не мыслившего сойти с пути служения отечественной науке, перед которой революция выдвинула новые задачи, В. В. Бартольд не утратил ни на мгновение.

Стремление В. В. Бартольда принять самое активное участие в этой работе стимулировал интерес к национальной истории и национальным культурным традициям, пробудившийся в Средней Азии в период революционных событий и особенно усилившийся во время национального размежевания 1924 г. Стало очевидным, что изучение истории среднеазиатских народов, главным образом тюркоязычных, и немедленный ответ на главные вопросы, касающиеся их прошлого, являются насущно необходимой частью культурного и национального строительства.

После 1924 г. В. В. Бартольд создает серию исторических очерков, посвященных отдельным среднеазиатским народам, в том числе киргизам (1927 г.) и туркменам (1929 г.), и не случайно, что аспект политической истории не заслоняет в них аспектов истории этнической и культурной. В дальнейшем эти очерки стали основой для последующей разработки истории отдельных республик Средней Азии. Но уже в 1926 г. В. В. Бартольд не ограничивал своих задач серией очерков; тогда им была предпринята первая научно обоснованная попытка достигнуть более высокой ступени обобщения — рассмотрения истории тюркоязычных народов как сложного процесса, в котором родственные по языку, но часто различные по своему экономическому быту народы на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий прошли путь самостоятельного социального, политического и культурного развития, путь, который во многих случаях приводил к созданию устойчивых национальных и государственных образований в разных частях Азиатского континента. Это направление исследований В. В. Бартольда отразилось прежде всего в его работе «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии».

Этот курс лекций, изданный в 1927 г. на турецком, а в 1935 г. на немецком языке, в своих отдельных частях складывался в течение ряда лет. Мысли, связанные с возможностью создания подобной работы, высказывались В. В. Бартольдом в рецензиях конца 1890-х — начала 1900-х годов на труды Каёна, Аристовя, Шаванна. Однако лишь через много лет состоя-

ние науки, в особенности расширение круга источников, позволило В. В. Бартольд вернуться к прежним замыслам.

В рецензиях на труды де Грота о хуннах и Маркварта о половцах (начало 20-х годов) впервые находит отражение напряженная работа В. В. Бартольда над наиболее трудными для него разделами истории кочевников евразийских степей, мало привлекавшими его внимание ранее.

Во время первой после революции поездки в Западную Европу, в 1922 г., В. В. Бартольд по предложению Лондонского университета прочел в King's College курс из шести лекций, посвященный истории тюркских и монгольских племен Центральной Азии. Этот курс, основное содержание которого было изложено В. В. Бартольдом в докладе «Кочевники Средней Азии, их прошлое и настоящее», прочитанном на английском языке 27 марта 1923 г. в Лондоне, в Королевском антропологическом институте, а затем — в приложении к курсу лекций, прочитанных в Баку в 1924 г., стал той основой, на которой вырос наиболее значительный обобщающий труд ученого, посвященный тюркским народам.

В феврале 1926 г. В. В. Бартольд принял участие в Первом Всесоюзном туркологическом съезде в Баку, где выступил с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей». В том же году была завершена работа В. В. Бартольда над наиболее полным курсом лекций по истории тюркских народов, который по просьбе турецкого правительства был предназначен для чтения студентам Стамбульского университета.

В этом курсе лекций, как и во многих других его трудах, отразились взгляды В. В. Бартольда на сущность изучаемых им явлений. Он придавал большое значение экономическим и социальным факторам, считая, что одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавались государства кочевников, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. Это выгодно отличало взгляды В. В. Бартольда от взглядов большинства современных ему буржуазных исследователей. Однако возникновение имущественного и сословного неравенства, классовой борьбы и государства у кочевников В. В. Бартольд был склонен рассматривать как спорадическое явление в «родовом» обществе, обусловленное чрезвычайными обстоятельствами. В связи с этим он полагал, что при наличии сильной государственной власти возможна ликвидация сословных противоречий и укрепление или возрождение «родового строя» у кочевников в результате примирения классовых противоречий.

Разработка В. В. Бартольдом социальных проблем средневековой истории народов Средней Азии привела его к ряду

ценных выводов, значительная часть которых была впоследствии принята советскими историками-востоковедами и получила дальнейшее развитие в их исследованиях³.

Великая Октябрьская социалистическая революция и социалистическое строительство в нашей стране вызвали большие организационные перемены в востоковедении. На советское востоковедение были возложены ответственные задачи научной помощи республикам Советского Востока, в которых развивалась новая, социалистическая, национальная культура, создавались свои университеты и академии наук, росли свои научные кадры, в том числе и кадры историков. Большую помощь национальным республикам в организации научных учреждений и в подготовке кадров исследователей оказали институты Академии наук СССР, и в их числе Институт востоковедения АН СССР. Активное участие в организации исследовательской работы в области истории, источниковедения и археологии в молодых среднеазиатских республиках принимал В. В. Бартольд. Он оказал большую помощь при создании кафедры истории Востока в Туркестанском государственном университете (1920 г.), в налаживании учета и охраны археологических памятников Средней Азии и в составлении плана их изучения⁴.

После кончины В. В. Бартольда в АН СССР продолжалось углубленное изучение средневековой и древней истории тюркских и монгольских народов, причем наряду с письменными источниками все большее значение для исследования ранних периодов стали приобретать археологические материалы, объем которых быстро возрастал по мере развертывания археологических работ в Советском Союзе. Непосредственными продолжателями исследований В. В. Бартольда в области древней и раннесредневековой истории тюркских народов в АН СССР стали: А. Н. Бернштам, С. П. Толстов и С. В. Киселев, а в области истории более поздних периодов — А. Ю. Якубовский и П. П. Иванов.

Большую роль в развитии советской историографии тюркских народов сыграл труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934), хотя он и не имеет прямого отношения к тюркским народам. В этой монографии Б. Я. Владимирцов впервые поставил во всей полноте вопрос о характере общественных отношений у монголов в средние века, показал, насколько монгольские пле-

³ См.: И. П. Петрушевский. Предисловие. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 25—31.

⁴ См.: И. И. Умняков, В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности). — «Бюлл. САГУ». 1926, вып. 14, стр. 193—194. Б. В. Лунин. Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 5, стр. 49 и сл.

мена эпохи Чингис-хана отличались друг от друга по уровню своего общественного развития; привлекая обширный фактический материал, он проанализировал монгольское общество той эпохи в целом и квалифицировал его как феодальное (в кочевом варианте)⁵.

Книга Б. Я. Владимирцова оказала большое влияние на многих советских исследователей, занимавшихся изучением истории кочевников и полукочевников тюркских народов.

В 30-х годах большая научно-исследовательская работа, в которую внесли свой вклад и историки-востоковеды, велась в начавшем тогда свою деятельность Институте востоковедения АН СССР. В работу включались новые поколения исследователей истории Востока, овладевавших методологией марксизма-ленинизма и вместе с тем воспринимавших лучшие традиции своих предшественников в науке. С конца 30-х годов советская историография Сибири, Средней и Центральной Азии уже полностью основывается на марксистско-ленинской методологии, сохраняя научные традиции русской востоковедной школы и в первую очередь преемственность в методике работы над источниками.

С начала 30-х годов древняя и раннесредневековая история тюркских народов, прежде всего история орхонских тюрок и енисейских киргизов, сравнительно мало разработанная в трудах В. В. Бартольда, становится предметом исследований А. Н. Бериштама, С. В. Киселева, А. П. Окладникова, С. П. Толстова. Они работали тогда в основном в Государственной Академии истории материальной культуры (впоследствии Институт археологии АН СССР), но в своих исследованиях наряду с археологическими данными опирались на письменные источники и на историко-этнографический материал (в особенности С. П. Толстов).

А. Н. Бериштам (1910—1956), проходивший в 1935—1937 гг. докторантуру в Институте востоковедения АН СССР, где он занимался уйгурским и китайским языками, свою наиболее значительную работу тех лет посвятил исследованию социальной структуры Тюркского каганата⁶.

Из письменных источников, использованных А. Н. Бериштамом в этой работе, основными были древнетюркские рунические тексты. Применяя марксистско-ленинское учение для объяснения ранних этапов истории тюрок, он пытался проследить ди-

⁵ См.: А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — «Очерки по истории русского востоковедения», [вып. I], М., 1953, стр. 84—85.

⁶ А. Н. Бериштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946. Список основных печатных работ А. Н. Бериштама см.: КСИИМК, 1960, вып. 80, стр. 9—16.

намнику социально-экономической жизни тюркских племен VI—VIII вв. Главные выводы его близки к тем заключениям, которые сделали советские исследователи истории смежных больших областей — С. В. Киселев и С. П. Толстов, также уделившие преимущественное внимание социально-экономическим проблемам. Все они дали совершенно новое объяснение характера древнетюркского общества и истории ранних тюркских государств, связывая их развитие прежде всего с перерастанием рабовладельческого и военно-демократического укладов в систему раннефеодальных отношений. Приведенные ими для обоснования своих взглядов исторические и этнографические данные показывают, что эти процессы протекали в тесной связи с социально-экономическим развитием оседлоземледельческих центров Средней и Центральной Азии, что и в степи и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба.

В течение 40-х и в начале 50-х годов А. Н. Бернштам много сделал для изучения истории киргизского народа, осветив ряд неисследованных ее проблем. Разработанная А. Н. Бернштамом на основе изучения археологических памятников и письменных источников периодизация древней истории Киргизии выдержала испытание временем и в главных чертах сохранила свое значение, хотя впоследствии археологи внесли в нее существенные дополнения и уточнения. В связи с изучением вопросов этногенеза в работах А. Н. Бернштама освещались также и проблемы истории казахского и туркменского народов, прежде всего ранних ее этапов. В научной деятельности А. Н. Бернштама, неустанного исследователя археологических памятников Тянь-Шаня, Памира и других труднодоступных тогда районов Средней Азии, интерпретация материала, добытого в археологических экспедициях, постоянно сопровождалась изучением письменных источников.

В области изучения истории тюркских народов Средней Азии эпохи феодализма большие заслуги принадлежат А. Ю. Якубовскому (1886—1953) и П. П. Иванову (1893—1942). А. Ю. Якубовский, работая в основном в Государственной Академии истории материальной культуры — Институте археологии и в Государственном Эрмитаже, одновременно принимал активное участие в научно-исследовательской деятельности, проводившейся в Среднеазиатском кабинете ИВАН. А. Ю. Якубовский был внимательным и тонким исследователем письменных источников, а также археологом; в открытии многих изучавшихся им памятников материальной культуры он принимал личное участие, выезжая в экспедиции в Среднюю Азию, где под его руководством проводились раскопки (в частности, в Пенджикенте), в результате которых были открыты замечательные произведения древнего искусства.

Среди разнообразных сюжетов по истории Средней Азии, привлекавших внимание А. Ю. Якубовского, видное место занимала тюркологическая тематика. Он принимал участие в написании первого коллективного сводного труда по истории Узбекистана⁷, опубликовал работы, посвященные вопросам этногенеза узбеков и туркмен⁸. Результатом его занятий, посвященных истории туркмен, была статья о сельджукском движении и туркменах в XI в.⁹ и большая работа по истории туркмен и Туркмении с VIII до XV в., опубликованная на правах рукописи в коллективном сборнике «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана» (главы I—XIII и XV)¹⁰. В этой работе систематизирован обширный материал по вопросам происхождения туркменского народа, его родо-племенной структуры, хозяйственной жизни и социально-экономических отношений в средние века, а также политической истории Средней Азии и Хорасана, с событиями которой были связаны туркмены. Специальную статью А. Ю. Якубовский посвятил изучению огузского эпоса «Китаб-и Коркуд» как исторического источника¹¹.

А. Ю. Якубовский интересовался и историей казахского и киргизского народов. Он принимал участие в обсуждении ряда дискуссионных проблем истории этих народов, в частности вопроса о тяньшаньских и енисейских киргизах, рассматривая их как отдельные этнические общности, что в значительной мере подтвердилось введенными впоследствии в научный обиход историко-этнографическими и историко-культурными данными, показывающими наибольшие соответствия между тяньшаньскими киргизами и алтайскими тюрками и существенные различия между ними и енисейскими киргизами. Одним из важнейших исследований А. Ю. Якубовского является написанная им совместно с академиком Б. Д. Грековым книга по истории Золотой Орды¹².

Большой заслугой А. Ю. Якубовского перед советской исто-

⁷ История народов Узбекистана, т. I. С древнейших времен до начала XVI века, Ташкент, 1950.

⁸ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; его же, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., — СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54.

⁹ А. Ю. Якубовский, Сельджукское движение и туркмены в XI веке, — ИАН СССР, ООИ, 1937, № 4, стр. 921—946.

¹⁰ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954. (На правах рукописи. Материалы для обсуждения.)

¹¹ А. Ю. Якубовский, «Китаб-и Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья, — в кн.: «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда, М.—Л., 1962, стр. 121—130.

¹² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

риографией Востока была критическая оценка им взглядов и концепций В. В. Бартольда с точки зрения марксистской теории общественного развития¹³. В последнем своем историографическом исследовании, изданном посмертно, А. Ю. Якубовский дал обзор истории изучения монголов XI—XIII вв. в западно-европейской, русской и советской науке, уделив большое место анализу вопросов социально-экономического строя средневековых монголов в связи с освещением их в рассматриваемых исторических трудах¹⁴. Эта историографическая работа А. Ю. Якубовского важна в теоретическом отношении для изучения социально-экономической истории не только монголов, но и многих других кочевых народов восточного средневековья, прежде всего для исследования прошлого тюркских народов, исторически наиболее тесно связанных с монголами.

П. П. Иванов, работавший в Институте востоковедения АН СССР в 1934—1942 гг., занимался исследованием истории Средней Азии XVI—XIX вв. Наряду с социально-экономическими проблемами, которые он изучал на основе документальных и повествовательных источников, П. П. Иванов разрабатывал также вопросы этнической и политической истории тюркских народов Средней Азии эпохи позднего феодализма, а в некоторых своих трудах уделял внимание также этногенетическим и историко-географическим сюжетам более раннего времени. Так, в изданном им в 1935 г. исследовании о каракалпаках П. П. Иванов тщательно проанализировал ранние упоминания о них в письменных источниках и рассмотрел существующие в науке гипотезы об их происхождении в связи с данными о печенегах и ногайях, а затем систематически изложил сведения о каракалпаках, имеющиеся в восточных и русских источниках позднего времени¹⁵.

Значительным вкладом в историографию народных движений в Средней Азии был труд П. П. Иванова, посвященный восстанию китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., в котором автору удалось в ходе изложения событий выявить существенные черты общественных отношений в Бухарском ханстве рассматриваемого периода¹⁶. В области политической истории П. П. Иванова привлекали вопросы взаимоотношений среднеазиатских ханств с кочевыми и полукочевыми тюркскими народами: каракалпаков, казахов и туркмен с Хи-

¹³ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

¹⁴ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов..., стр. 31—95.

¹⁵ П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, — «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 («Труды ИВАН», т. VII), стр. 9—89.

¹⁶ П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве, 1821—1825. (Источники и опыт их исследования), М.—Л., 1937 («Труды ИВАН», т. XXVIII).

вой, казахов и киргизов — с Кокандом. Одна из его статей, основанная главным образом на данных, извлеченных из кокандских нарративных источников, посвящена политическим взаимоотношениям казахов и Кокандского ханства¹⁷. По этим же источникам П. П. Иванов разрабатывал и вопросы взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, но не успел завершить начатых им в этом направлении исследований.

Крупным событием в развитии советской историографии Средней Азии было исследование и описание П. П. Ивановым открытого им в 1936 г. архива хивинских ханов. Результаты работы П. П. Иванова над изучением документов этого архива отражены в опубликованном им описании архива (с кратким историческим введением)¹⁸, которое он успешно защитил как диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Ленинграде 24 ноября 1941 г., в дни блокады¹⁹. В документах архива хивинских ханов, писавшихся на узбекском языке, содержатся разнообразные сведения по истории хозяйства, налогового обложения и других сторон жизни населения Хивинского ханства, а также данные историко-этнографического характера об узбеках, туркменах, каракалпаках и казахах. Изданное описание П. П. Иванов рассматривал как первый том своей работы по исследованию документов архива хивинских ханов и готовил к печати второй том²⁰. Выполнить намеченную работу он не успел. В ночь со 2 на 3 февраля 1942 г. П. П. Иванов погиб в осажденном Ленинграде²¹. Незавершенными остались и другие его научные замыслы. Но и того, что он сделал, вполне достаточно, чтобы считать его одним из крупнейших советских историков-востоковедов²². Некоторые фундаментальные труды ученого были изданы посмертно²³. В «Очерках по истории Средней Азии» П. П. Иванову впервые удалось дать цельную картину событий, происходивших во всех трех сред-

¹⁷ П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), — «Записки ИВАН», М.—Л., 1939, т. VII, стр. 92—128.

¹⁸ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии, Л., 1940.

¹⁹ ЛА ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 262, лл. 48—52.

²⁰ Там же, л. 49.

²¹ А. Н. Ковонзов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, 1960, т. XXV, стр. 283.

²² О нем см.: А. Ю. Якубовский, Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, — «Советское востоковедение», 1948, т. V, стр. 313—320.

²³ См.: П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; его же, Очерки по истории Средней Азии (XVI—середины XIX в.), М., 1958.

неазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, в тесной связи с историей казахов, туркмен, каракалпаков и киргизов. Личный архив П. П. Иванова передан его вдовой О. К. Ивановой в ЛО ИВАН. В рукописном наследии П. П. Иванова имеются оставшиеся неопубликованными исследования, дневники с записями экономических данных (сделанных во время командировок в Среднюю Азию, где он в течение ряда лет работал экономистом), историко-этнографические материалы, собранные им в Киргизии, сведения о топографии старого города Ташкента и т. д.

Как и А. Ю. Якубовский, П. П. Иванов принимал участие в подготовке кадров историков для республик Средней Азии. Он читал курс истории среднеазиатских ханств для аспирантов, был руководителем работ по специальности многих аспирантов-узбеков, обучавшихся в Ленинграде, читал курс истории народов Средней Азии в ЛИФЛИ и т. д.²⁴

Введение в научный обиход письменных источников по истории тюркских народов — издание текстов и переводов — осуществлялось как отдельными учеными, сотрудниками институтов АН СССР, так и методом коллективных работ. В Институте востоковедения АН СССР основными организационными ячейками в деле коллективной разработки источников по истории тюркских народов были Среднеазиатский, Турецкий (впоследствии Тюрко-монгольский) и Иранский кабинеты.

В 30-х годах в Институте востоковедения АН СССР было подготовлено несколько сборников материалов по истории тюркских народов Советского Востока. В 1935 г. вышел в свет сборник материалов по истории каракалпаков²⁵. В его составлении участвовали академик А. Н. Самойлович и П. П. Иванов. А. Н. Самойлович выполнил для сборника сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях. П. П. Иванов перевел отрывки по истории правления Сейид Мухаммед-хана из сочинения Агехи и написал для сборника упоминавшуюся выше исследовательскую статью «Очерк истории каракалпаков», опубликованную в нем в качестве введения. Материалы по истории каракалпаков, помещенные в сборнике, относятся преимущественно к периоду с XVII в. до 70-х годов XIX в. Кроме переводов из восточных источников в сборнике были опубликованы известия о каракалпаках из русских источников, печатных и рукописных, подобранные проф. Н. И. Пальмовым и А. И. Пономаревым, а также составленная А. И. Пономаревым сводка библиографических

²⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 261, л. 23.

²⁵ «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 («Труды ИВАН», т. VII).

материалов о каракалпаках. Вложивший много сил и труда в работу по подготовке этого сборника А. И. Пономарев (1886—1942) был ученым по призванию, а не по должности²⁶.

Успеху проводившейся в Институте востоковедения АН СССР в 30-х — начале 40-х годов деятельности, связанной с изучением и публикацией материалов по истории тюркоязычных народов Советского Союза, в значительной мере способствовало то обстоятельство, что для выполнения этих работ объединялись силы многих специалистов и энтузиастов. В результате тюркологами — историками и филологами — в сотрудничестве с иранистами и арабистами были подготовлены и изданы сборники материалов по истории туркмен и Туркмении, по истории Башкарской АССР и Казахской ССР, а также некоторые другие, из числа которых назовем здесь сборник извлеченных из русских архивов сведений о торговле и дипломатических сношениях Московского государства со Средней Азией и второй выпуск материалов по истории Золотой Орды (собранных в 70—80-х годах XIX в. В. Г. Тизенгаузенем)²⁷.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать здесь каждый из этих сборников, остановимся на двух из них — двухтомнике по истории туркмен и Туркмении и втором выпуске материалов по истории Золотой Орды.

Основное содержание сборника «Материалы по истории туркмен и Туркмении» составляли переводы извлечений из источников, написанных на арабском, персидском и тюркских языках, охватывающих историю Туркмении и туркмен с VII по XIX в. Переводы снабжены примечаниями, во вводных статьях к обоим томам охарактеризованы источники, из которых сделаны

²⁶ А. И. Пономарев работал в Институте востоковедения АН СССР бухгалтером и принимал активное участие в научно-исследовательской деятельности Среднеазиатского кабинета. Он окончил в 1924 г. Институт живых восточных языков в Ленинграде со специализацией по Средней Азии и, хотя в дальнейшем обстоятельства его жизни мало благоприятствовали научным занятиям, опубликовал несколько серьезных исследовательских работ (см.: Кононов, *Тюркология в Ленинграде*, стр. 236, прим. 32).

²⁷ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, вып. 3. «Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.», Л., 1933 («Труды Историко-археологического института и ИВАН СССР», т. VI); «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. «VII—XV вв. Арабские и персидские источники». Под ред. С. Л. Болина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939, т. II. «XVII—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники». Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938; «Материалы по истории Башкирской АССР», М.—Л., 1939 («Труды ИВАН», т. I); «Материалы по истории Казахской ССР», М.—Л., 1940; «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., 1941 (отв. ред. П. П. Иванов).

извлечения, и указаны использованные издания текстов и рукописи, в библиографии приведены данные об основных пособиях, привлеченных при составлении примечаний. Сборник «Материалы по истории туркмен и Туркменин» дает исследователям истории обширные и разносторонние данные, важные не только для изучения прошлого туркменского народа, но и соседних с ним народов Советского и зарубежного Востока. Этот свод материалов оказал большую помощь историкам Туркменистана при написании обобщающего труда «История Туркменской ССР» (т. 1, кн. 1—2, Ашхабад, 1957) и был использован советскими учеными во многих других исследованиях, посвященных различным вопросам истории, этнографии и археологии народов Средней Азии. Можно с полным правом сказать, что сборник «Материалы по истории туркмен и Туркменин» был и остается сейчас одной из настольных книг исследователей разных специальностей, обращающихся к изучению прошлого народов Средней Азии²⁸.

Второй выпуск «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» содержит переводы извлечений из персидских источников, собранных в прошлом веке В. Г. Тизенгаузенем, которые оставались неопубликованными и неподготовленными к печати. Доработка извлечений и перевод части текстов, оставшихся у В. Г. Тизенгаузена непереведенными, были выполнены в основном С. Л. Волиным; он же написал введения к переводам, содержащие характеристики источников и данные об использованных изданиях и рукописях, составил справки о значении встречающихся в извлеченных отрывках специальных терминов и о местоположении географических названий. В обработке собранных В. Г. Тизенгаузенем материалов принимал участие выдающийся иранист А. А. Ромаскевич. В подготовке публикации оказали помощь своими замечаниями П. П. Иванов (ответственный редактор издания), А. И. Пономарев и А. Ю. Якубовский. В приложениях к сборнику помещена часть текстов, которые оставались неизданными ко времени выхода в свет сборника и использовались по рукописям сочинений. С изданием второго выпуска «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» в научный обиход было введено много новых данных по истории татар, чувашей, ногаев, казахов, узбеков, а также некоторые интересные сведения по истории других народов СССР.

Крупнейшей коллективной работой, осуществленной глав-

²⁸ И. Ю. Крачковский высоко оценил значение первого тома «Материалов по истории туркмен и Туркменин» с точки зрения арабистики и особо отметил достоинства помещенной в начале тома статьи В. И. Безяева, посвященной арабской историко-географической литературе. См.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 261.

ным образом силами иранистов, была подготовка критического текста и перевода сочинения Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»). Имеющий наибольшее значение как историко-этнографический источник для изучения средневековых тюрко-монгольских племен и народностей первый том этого сочинения в настоящее время опубликован полностью в русском переводе, издана также первая часть критического текста этого тома²⁹.

Из осуществленных в течение последнего десятилетия изданий восточных источников по истории тюркских народов большое значение для исследования истории тюрков Средней Азии позднефеодального периода имеет публикация А. Н. Кононовым сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен»³⁰. Публикация эта включает вводную статью, сводный критический текст сочинения, русский перевод, обстоятельные историко-филологические комментарии, грамматический очерк, указатели к тексту, переводу и грамматическому очерку, библиографию.

Дальнейшее изучение документов архива хивинских ханов, столь успешно начатое П. П. Ивановым, продолжается не только в Узбекской ССР, где находятся теперь подлинники документов этого архива, но и в Институте востоковедения. Материалы архива были широко использованы тюркологом-историком Ю. Э. Брегелем при написании им монографии о хорезмских туркменах в XIX в.; им же осуществлена публикация документов из этого собрания, содержащих сведения о каракалпаках (с введением, переводом, примечаниями и указателями)³¹. Из числа выполненных в ЛО ИНА работ следует отметить «Описание документов архива Кокандских ханов», составленное А. Л. Троицкой (М., 1968), и сданный в печать сборник переводов извлечений из арабских, персидских и тюркских нарративных источников, содержащих сведения по истории киргизов и Киргизии с VIII до XIX в. Этот сборник явился результатом работы группы востоковедов Ленинграда, начатой под руководством М. Ю. Юлдашева в 1954—1955 гг. и завершённой впоследствии в Иранском кабинете ЛО ИНА.

²⁹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, пер. с перс. Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. II, пер. с перс. О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; Фазлаллах Рашид ад-дин. Джамии ат-таварих, т. I, ч. I. Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-заде, М., 1965.

³⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958 (отв. ред. чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов).

³¹ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX веке, М., 1961; «Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков». Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю. Э. Брегеля, М., 1967.

Из опубликованных за последние годы монографических исследований по истории тюркских народов следует назвать, кроме упомянутого выше исследования Ю. Э. Брегеля о хорезмских туркменах в XIX в., книги С. Г. Кляшторного³² и Л. Н. Гумилева³³ по истории древних тюрков.

Своими историческими и археологическими исследованиями, а также введением в научный обиход письменных источников путем издания их текстов и переводов историки и филологи Академии наук СССР внесли крупный вклад в тюркологию и в содружестве с иранистами и арабистами впервые разработали историю тюркских народов Советского Востока в широком историческом плане. Их трудами за истекшие 50 лет была заложена надежная основа для дальнейшего развития исторических исследований в области тюртологии как в институтах Академии наук СССР, так и в научных учреждениях восточных республик Советского Союза. В эти научные учреждения в течение последних десятилетий вполне закономерно переносятся основная часть исследований по истории тюркских народов. Вместе с тем активное участие в важной общей работе по изучению истории тюрков продолжают принимать и специалисты институтов Академии наук СССР, бережно сохраняющие лучшие традиции отечественной академической тюртологии.

³² С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.

³³ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967.

Л. П. Потапов

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В СССР ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным этапом в развитии русской этнографии, зародившейся у нас в XVIII в. Этнографическое изучение народов СССР началось с первых же лет Советской власти в связи с практическими потребностями Советского государства. X съезд ВКП(б), руководимый В. И. Лениным, разработал и принял практическую программу социалистического строительства у советских народов уже на раннем этапе истории нашего государства. Уничтожив национальный гнет, необходимо было ликвидировать экономическую, политическую и культурную отсталость многих угнетенных ранее народов, различных по языку и происхождению, историческому прошлому, экономическому положению, уровню культурного развития и особенностям быта. В числе таких народов в решении X съезда ВКП(б) были названы и различные тюркские народности, общая численность которых определялась тогда около 30 млн. Чтобы помочь им продвинуться по пути социального, экономического и культурного прогресса, требовалось знание не только их современного состояния, но и их исторического прошлого, этнографических особенностей культуры и быта и т. д. Эти знания должны были практически вооружать советских и партийных работников. Упомянутый съезд подчеркнул, что строительство нового общества, советской государственности должно осуществляться при помощи людей, «знающих быт и психологию местного населения». Естественно, что этнографы оказались одними из первых представителей советской исторической науки, посвятивших свою деятельность практическому служению социализму. В стране стали быстро возникать и развиваться этнографические центры, которые включали в сферу исследований и тюркские народы. Выдающуюся роль в этом отношении играл Ленинград, где научная работа была организована в большом масштабе и было создано высшее этнографическое образование, в основном в рамках ЛГУ. Этнографические исследовательские

центры находились при Академии наук (Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран — КИПС и Музей антропологии и этнографии), Ленинградском университете, Географическом обществе и Этнографическом отделе Русского музея. Крупный этнографический центр оформился при Московском университете. Вскоре такие центры появились в Ташкенте, Баку, Тбилиси, Киеве, Минске, Иркутске и других городах страны (в основном при отделениях Географического общества). КИПС выполнял большую плодотворную работу по этнографическому изучению страны, в том числе и тюркских народов. В этом учреждении выдающуюся роль играли акад. С. Ф. Ольденбург и акад. В. В. Бартольд. С именем С. Ф. Ольденбурга связано и создание в 1926 г. журнала «Этнография». Он был его первым редактором.

Придавая большое государственное значение этнографическим исследованиям, Советское правительство поддерживало организацию и проведение этнографических работ. Это позволило широко развить экспедиционную и издательскую деятельность, положительные результаты которой стали сказываться уже в середине 20-х годов. В данной связи нельзя не отметить вклад в организационную и научную работу по изучению тюркских народов одного из старейших ленинградских этнографов проф. С. И. Руденко, издавшего в 1925 г. этнографическую монографию о башкирах, а несколько позже — работу о казахах¹. В эти же годы при участии С. И. Руденко вышел в свет ряд томов серийного издания «Материалы по этнографии», в которых появились публикации, посвященные и некоторым тюркским народностям. Ценные монографии и исследовательские статьи, посвященные тюркским народностям Сибири, публиковались в это время в сборниках Музея антропологии и этнографии (т. V—IX, 1918—1930). В последующие годы, в условиях углубленного этнографического изучения народов СССР, исследование тюркских народностей приобрело широкий характер и практически распространилось почти на все группы тюркоязычного населения.

Заметное расширение научной этнографической работы произошло в результате возникновения и развития национальных научных центров в союзных и автономных республиках и областях СССР. Назовем лишь некоторые из них, где ведется этнографическая работа по изучению тюркоязычного населения. Это Академии наук Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Азербайджанской ССР; филиалы АН СССР в Казани

¹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925; его же. Очерк быта северо-восточных казахов, — «Казахи. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 г.», Л., 1930.

и Дагестане; научно-исследовательские институты языка, литературы и истории в Каракалпакской, Якутской, Тувинской, Чувашской, Татарской, Кабардино-Балкарской АССР, в Горно-Алтайской, Хакасской и Карачаево-Черкесской автономных областях. Кроме того, такую работу ведут многие музеи перечисленных республик и областей, а кое-где — отделения Географического общества и высшие учебные заведения.

Показателем размаха этнографических работ может служить общеизвестный факт, что в многотомном фундаментальном издании Института этнографии под названием «Народы мира. Этнографические очерки» имеются обобщающие очерки по этнографии всех тюркских народов СССР, как правило, освещающие не только историческое прошлое, этнографические особенности дореволюционного периода, но и современные характерные черты культуры и быта этих народов. Многолетняя подготовка упомянутого серийного издания в свою очередь стимулировала этнографическое изучение многих народов, в том числе и тюркских. Общее количество посвященных тюркским народностям этнографических работ, выполненных за истекшие 50 лет существования Советского государства, подсчитать трудно. Многие десятки книг и тысячи статей, огромное количество еще не обработанных полевых материалов, не изданных, но подготовленных к печати рукописей, имеющихся в каждом учреждении, где ведется этнографическая работа, обширные и многочисленные этнографические коллекции могут дать лишь общее представление о достигнутых результатах, обобщить и оценить которые можно только коллективными усилиями.

Такое обилие этнографических работ объясняется не только тем, что в нашей стране проживает примерно 25 тюркских народностей (не считая многих групп внутри их), но главным образом потому, что этнографическая тематика охватывает многие области народной жизни. Разумеется, невозможно в одном докладе сделать обзор итогов этнографического изучения за истекшие полвека ни по всем тюркским народностям, ни тем более по всему кругу этнографической тематики. Поэтому я остановлюсь на характеристике этнографического изучения тюркских народов СССР лишь по нескольким крупным проблемам: 1) общественный строй, 2) история отдельных тюркских народов, 3) этногенез, 4) современная культура и быт, что, как мне кажется, может дать представление о больших достижениях в этой области советских этнографов, преимущественно тюркологов, и их ценном вкладе в дело изучения этнографии тюркских народов вообще.

Проблема изучения дореволюционного общественного строя народов СССР была тесно связана прежде всего с общими государственными задачами построения социалистического об-

щества у отсталых в прошлом племен и народностей. Такие исследования имели большое практическое значение, так как помогали руководящим партийным и советским органам правильно ориентироваться в конкретной исторической обстановке применительно к той или иной народности или группе народов. Разумеется, чтобы полнее понять и оценить значение исследовательской работы по изучению общественного строя тюркских народов в то время, требуются конкретные исторические примеры, на одном из которых я остановлюсь.

Вспомним, как обстояло дело в этом отношении, скажем, у киргизов, казахов и алтайцев, население которых, вместе взятое, исчислялось несколькими миллионами человек. Они вели в основном скотоводческое кочевое хозяйство на огромной территории. Относительно этих народов распространялась теория, что до Октябрьской революции они жили родовым строем, внутри которого не было ни классов, ни эксплуатации. Эксплуатация и угнетение трудящихся-скотоводов признавались только со стороны русских эксплуататорских элементов. Теория о родовом строе у этих народов опиралась главным образом на дореволюционную этнографическую литературу, в которой вопросы общественного строя хотя и не исследовались, но декларировались именно в этом плане. Для такого заключения считалось вполне достаточным, чтобы у описываемого народа было обнаружено родо-племенное деление. Подобная точка зрения высказывалась не только в старых дореволюционных работах, появлялись и некоторые новые, в которых также развивалась теория родового строя. Взгляды, опирающиеся на представления о родовом строе и отрицавшие классовое расслоение казахского, киргизского аула или алтайского аила, в свое время получили суровую научно-политическую оценку. Целесообразнее поэтому остановиться на некоторых положительных итогах марксистского изучения общественного строя у этих народов. Прежде всего нужно сказать о том, что полевые этнографические исследования у упомянутых тюркских народов выявили и дали возможность изучить и описать основные средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, определить формы собственности на них, их распределение по социальным группам. На этой основе удалось вскрыть и описать классовое расслоение киргизов, алтайцев и казахов, базировавшееся на давнем и далеко зашедшем социально-экономическом неравенстве. Этнографы конкретно охарактеризовали общественные классы у этих тюркоязычных кочевников, социальные прослойки внутри классов, изучили, а местами впервые обнаружили и собрали социальную терминологию, отражающую классовое расслоение, различные категории работников и эксплуататоров в скотоводческом кочевом хозяйстве. Этногра-

фы изучили и описали многочисленные и весьма своеобразные формы эксплуатации, нередко выдаваемые за родовую помощь, как, например, раздача скота в доение и на выпас (*саун* — у казахов, *саан* — у киргизов и *полыш* — у алтайцев) и т. д. Более того, этнографы обратили внимание и на то обстоятельство, что классовое расслоение у изучавшихся тюркоязычных кочевников наложило глубокий отпечаток не только на общественный, но и на домашний быт, нашло отражение в верованиях, в фольклоре. Все это позволило не только доказать наличие классового общества у кочевников-скотоводов, но и определить характер их социально-экономических отношений как ранних форм феодальных отношений, осложненных пережитками патриархально-родовых отношений.

В 1930 г. появляется работа, в которой сочетание экономического и этнографического материала раскрыло реальную, полную своеобразия картину народного хозяйства и быта кочевников в условиях классового феодального строя². С конца 1932 г. появляется ряд работ, принадлежащих перу этнографов, исследовавших общественный строй у народов Алтая и установивших здесь наличие феодальных отношений³. В 1935 г. появились первые работы, доказывающие существование феодализма у казахов⁴. Несмотря на то что в некоторых из них содержались крупные теоретические ошибки (вроде утверждения об особом виде феодализма у казахов, настолько отличном от феодализма вообще, что предлагалось объявить его особой формацией), все же теоретическое и практическое значение этих первых работ было, конечно, велико.

Касаясь теоретического аспекта работ этнографов по изучению общественного строя тюркских народов, основу хозяйства у которых составляло кочевое скотоводство, нельзя не отметить, что некоторые из этих работ предшествовали известной книге одного из крупнейших советских монголистов, акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», изданной в Ленинграде в 1934 г., в которой выдвигалось и обосновывалось понятие «кочевой феодализм».

Таким образом, в первой половине 30-х годов уже был накоплен столь значительный материал по этой проблеме, что была предпринята попытка наметить происхождение феодализ-

² П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930.

³ Л. П. Потанов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки Ойротии, Л., 1936; Л. П. Потанов, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.

⁴ А. П. Чулошников, К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., — ИАН СССР, 1936, № 1.

ма у кочевников⁶. В дальнейшем изучение общественного строя проводилось почти у всех тюркских народов СССР. Назову, например, в этом плане работы по якутам, тувинцам, каракалпакам туркменам, киргизам, казахам, башкирам, кумыкам и др.⁶. Определенный вклад в теоретическую разработку проблемы общественного строя у тюркских народов СССР внесли этнографы открытием, описанием и научным анализом кочевой (аульской) общины, выявлением ее различных конкретных форм, а также более мелких семейно-родственных объединений⁷. Изучение этого интересного вопроса, весьма важного для понимания генезиса и ранних форм феодальных отношений у кочевников, продолжается и в настоящее время и далеко еще от завершения, позволяющего обобщить теоретически весь накопленный материал.

Обращаясь к теоретическому аспекту проблемы, нужно отметить, что, изучая ее на материале тюркских народов (по хозяйственному профилю — скотоводов-кочевников), советские этнографы и историки внесли ценный вклад не только в советскую историческую науку, но и в мировую этнографию, в мировую историческую науку. Повышенный интерес к кочевникам земного шара отражают в настоящее время некоторые научные органы международной организации ЮНЕСКО и МОТ. Советская историческая наука, в том числе и советская этнография, открыла новые специфические формы феодального устройства

⁶ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934.

⁶ С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы, М., 1956; М. П. Вяткин. Багир Срым, М.—Л., 1947; Л. П. Поталов. Очерки истории Ойротии; его же. Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948; его же. Очерки по истории Шории, Л., 1936; его же. Краткие очерки по истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952; А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов, Алма-Ата, 1960; С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата, 1958; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950 (ТИЭ, новая серия, т. 9); В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкассы, 1960.

⁷ С. М. Абрамзон. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, — сб. «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования» (ТИЭ, новая серия, т. 14), М.—Л., 1951; О. А. Сухарева. Быт жилого квартала города Бухары (в конце XIX—начале XX века), — КСИЭ, 1958, вып. 28; ее же. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане, — КСИЭ, 1958, вып. 30 и др.; К. Шаниязов. Общинное землепользование в сел. Калдык, — КСИЭ, 1960, вып. 34; С. А. Токарев. Происхождение сельской общины у якутов, — «Исторические записки», 1945, вып. 14; Л. П. Поталов. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хомчика, — «Труды Тувинск. компл. археолого-этнографической экспедиции», М.—Л., 1966, т. II, стр. 17—28, «Аульская община».

общества у кочевников, не известные ранее закономерности развития кочевого общества, определила весьма своеобразную модель такого общества. Все это сделано в значительной мере при помощи этнографов-тюркологов, благодаря всестороннему изучению и широкому привлечению этнографического материала по тюркским народам СССР.

Я не имею возможности коснуться истории изучения феодализма у кочевников. Скажу только, что термин «кочевой феодализм» был вскоре же отвергнут, но научное значение поднятого вопроса привлекало внимание советской исторической науки. В 1954 г. в Ташкенте была организована научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана, проводившаяся Академией наук СССР совместно с Академиями наук Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казахской Союзных Социалистических Республик. Одной из главных проблем, вынесенных на обсуждение сессии, оказалась проблема феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, т. е. практически у тюркских народов. Активное участие в обсуждении этой проблемы приняли советские этнографы-тюркологи. Они активно участвовали также и в научной дискуссии на эту тему, проведенной журналом «Вопросы истории» в 1954—1955 гг. Оба мероприятия весьма способствовали уточнению и единству взглядов абсолютного большинства советских историков и этнографов по излагаемой проблеме. Эти взгляды стали достоянием мировой науки, как через публикации, так и благодаря выступлениям наших тюркологов-этнографов на международных съездах этнографов и востоковедов.

Уже упоминалось, что к изучению кочевников вообще проявляют интерес ЮНЕСКО и МОТ. В изданиях ЮНЕСКО появились статьи советских историков и этнографов, касающиеся общественного строя у тюркских народов СССР⁸. Постоянная Международная Алтаистическая конференция, ежегодно устраивающая свои собрания в разных странах, в 1967 г. провела свое десятое собрание в Манчестере, посвятив его проблеме «Феодализм в алтайском мире». Факт весьма примечательный. На собрании, которое состоялось 23—26 июня 1967 г. обсуждалась проблема, поставленная и разработанная советскими тюркологами — этнографами и историками.

Однако у многих зарубежных ученых, как и следовало ожидать, положения, сформулированные в советской этнографии, встретили отрицательное отношение уже потому, что упомянутые достижения явились следствием применения марксист-

⁸ См., например, работу Л. П. Потапова и А. Турсунбаева «Quelques aspects du développement socio-économique et culturel des nomades en URSS», — «Revue internationale des sciences», t. XI, Paris, 1959, № 4.

ского исторического метода к изучению преимущественно тюркских народов СССР.

Выше отмечалось практическое значение изучения этнографии тюркских народов по проблеме общественного строя для социалистического строительства у этих народов. Необходимо подчеркнуть также, что изучение общественного строя дало возможность разрабатывать историю той или иной тюркской народности, взятой в отдельности. Проблема научного воссоздания истории отсталых в прошлом народов, не имевших своей письменности или младописьменных, также представляет интерес, далеко выходящий за рамки истории народов Советского Союза. Общеизвестно, что в зарубежной, точнее в буржуазной, науке давно и широко распространено мнение, что воссоздать историю таких народов невозможно, что народы эти по существу не имели истории и относятся к так называемым неисторическим народам, к народам неполноценным и безнадежно отсталым, неспособным создавать ценности, имеющие значение для современной цивилизации и т. д. Подобного рода теория вполне может быть определена как один из вариантов расистских взглядов. Хотя, разумеется, есть и такие ученые, которые никакого отношения к расизму не имеют, а придерживаются подобных взглядов потому, что не верят в возможность воссоздания истории бесписьменных народов из-за отсутствия источников, в частности письменных, которые принадлежали бы непосредственно изучаемым народам.

Советские историки, больше всех именно этнографы, решили эту научную проблему практически. Они достигли успеха благодаря применению в исследовании марксистского исторического метода и привлечению комплекса источников, среди которых большой и разнообразный этнографический материал органически сочетается с археологическими памятниками, антропологическими (в том числе и палеоантропологическими) материалами, с данными языка, фольклора. Конечно, непременно используются и всякого рода письменные источники, содержащие упоминания об изучаемых племенах и народах. Результаты вполне оправдали такой подход к изучению истории рассматриваемой категории тюркских (да и не только тюркских) народов.

Почти все тюркские народы СССР (якуты, алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы, каракалпаки, киргизы, казахи, туркмены, узбеки, кумыки, карачаевцы, балкары, татары, башкиры, чувашаи) получили научно разработанную историю в виде специальных монографий или очерков². Некоторые из перечисленных книг

² См., например: «История Якутии», т. I (Под ред. А. П. Окладникова), Якутск, 1949; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Очерки истории Шории, Л., 1936; его же, Краткие очерки по

по истории созданы преимущественно усилиями этнографов (как, например, по истории тюркских народов Сибири); в других, особенно коллективных, трудах этнографам принадлежит значительная роль (работы по истории тюркских народов Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа). Естественно, что в истории каждого изучавшегося тюркского народа проблема его общественного строя занимает одно из первых мест.

Характерной чертой книг, посвященных истории тюркских народов СССР, в прошлом бесписьменных и младописьменных, нужно признать их большой хронологический диапазон. Почти каждая монография рассматривает историю народа с древнейших времен, широко опираясь на археологические, палеоантропологические конкретные материалы и древние письменные свидетельства, и доводит ее до современности. Поэтому в некоторых случаях этнографам-тюркологам приходилось проделывать большую работу по научной периодизации. Показательны в этом отношении книги по истории тюркских народов Сибири, в которых на основе общей исторической периодизации по социально-экономическим эпохам дана дополнительная периодизация в рамках данных эпох, связанная с политической историей восточной части Центральной Азии начиная с гуннского периода. Достижением является и определение археологических культур в хронологическом отношении с последующим отнесением их к различным социально-экономическим эпохам.

Есть еще одна особенность у книг по истории тюркских народов СССР, написанных этнографами или при участии этнографов. В них дана характеристика народной культуры и быта различных исторических эпох, что весьма обогащает содержание таких работ и создает представление о конкретном вкладе того или иного народа в общую культуру.

Работа по созданию истории тюркских народов СССР, выполненная за 50 лет Советской власти, имеет весьма актуальное значение. Великая Октябрьская революция пробудила национальное сознание всех освободившихся от гнета народов царской России, что вызвало у них повышенный интерес к сво-

истории и этнографии хакасов XVII—XIX вв., Абакан, 1952; «История Тувы», т. I, М., 1964; «История Казахской ССР», т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959; «История Киргизии», т. I—II, Фрунзе, 1963; А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1966; «История Туркменской ССР», т. I—II, Ашхабад, 1957; «История Узбекской ССР», т. I—II, Ташкент, 1955—1957; Т. Х. Кумыков, История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, Нальчик, 1958; Р. Г. Кузеев, Очерки истории и этнографии башкир, Уфа, 1957; «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955; «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958; «История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до Великой Октябрьской революции», т. I, М., 1967; А. Чулошников, Очерки по истории казах-киргизского народа, Оренбург, 1924, и др.

ему историческому прошлому. Советские тюркологи, в частности этнографы, выполняют в этом отношении свой долг перед народом. Отрадно отметить, что в большой творческой работе по созданию истории тюркских народов все чаще принимают участие этнографы и историки, археологи и антропологи, вышедшие из среды самих тюркских народов, тех народов, которые еще недавно были только объектом изучения. Развитие местных национальных научных центров у тюркских народов СССР весьма положительно повлияло на итоги изучения многих проблем, о которых говорится в настоящем докладе.

Наконец, характеризуя работу этнографов по проблеме истории тюркских народов СССР, нельзя не отметить, что некоторые итоги их исследований были использованы высшими советскими законодательными органами. В 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР переименовал бывшую Ойротскую автономную область в Горно-Алтайскую. Это было сделано на основании ходатайства местных советских и партийных организаций, опиравшихся на результаты изучения истории и этнографии народов Горного Алтая.

Весьма сложной научной проблемой, над которой работали советские тюркологи-этнографы в течение полувекового периода существования Советского государства, является и проблема этногенеза. Если две первые проблемы, о которых я говорил, не только не изучались в дореволюционное время, но, можно сказать, и не ставились, то проблеме этногенеза, если говорить о тюркских народах СССР, уделялось внимание и в дореволюционной русской тюркологии. Можно назвать, например, обобщенную работу Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (СПб., 1897), научное значение которой в отношении ряда идей и гипотез сохранилось до нашего времени. Однако такие работы до революции были редким исключением. Как ни много сделал акад. В. В. Радлов для изучения народов Южной Сибири, но именно ему принадлежит пессимистическое заявление: «...едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»¹⁰. Учитывая уровень развития науки того времени, следует признать, что основания для подобного заявления у В. В. Радлова имелись. Изучение этногенеза того или иного тюркского народа было тогда предметом только индивидуального интереса отдельных ученых. По-иному обстоит дело в наше время.

Проблема этногенеза вызывает острый интерес среди каждого народа, особенно вступившего на путь самостоятельного

¹⁰ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, Leipzig, 1884, стр. 143.

свободного развития и не имевшего ранее своей научно разработанной истории. Эта проблема находится в центре внимания советских тюркологов Ленинграда, Москвы и на местах. Может быть, этим и можно объяснить то отрадное обстоятельство, что каждому тюркскому народу СССР посвящены специальные исследования по этногенезу и этнической истории.

Совокупность разнообразных источников (этнографических, археологических, антропологических, письменных и др., взаимно дополняющих и контролирующих друг друга) дает возможность не только выяснить этнический состав, но порой установить этапы этнической истории народа. При исследовании проблемы этногенеза еще больший простор открывается для использования этнографического материала, в частности такого, как этнонимы и эпонимы, экзогамность родо-племенных делений и некоторые виды религиозных верований, атрибуты шаманского культа (костюм, бубен), имеющие весьма устойчивую и характерную семантику. Едва ли нужно говорить о том, что результаты этногенетических исследований весьма необходимы для соответствующих разделов истории тюркских народов, хотя нельзя отрицать и их самостоятельного значения. За рассматриваемый период времени опубликованы исследования по этнической истории почти всех тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, татар, чувашей и башкир. Рассмотрены эти вопросы и для тюркских народов Северного Кавказа¹¹.

Мне кажется, что столь широкое изучение этногенеза и этнической истории тюркских народов по отдельным районам позволит в ближайшем будущем разработать эту проблему в отношении ряда народов обобщенно (например, для Сибири).

Мы можем констатировать в связи со сказанным еще одно положительное явление. Исследование этногенеза и этнической истории тюркских народов в советское время, к примеру, в той же Сибири дает возможность не только создать новые, но уточнить и более глубоко обосновать некоторые старые представле-

¹¹ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан. 1957; его же. Очерк этногенеза южных алтайцев. — СЭ. 1962, № 3; его же. Этноним теле и алтайцы. — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Ковнова», М., 1966; А. П. Окладников. Происхождение якутского народа. М.—Л., 1951; С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. — «Уч. зап. ТНН ИЯЛИ». 1957, вып. V; Г. Е. Марков. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; А. Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», Фрунзе, 1969, т. 3; С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. — там же; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкары — древние народы Кавказа, Черкесск, 1953; «О происхождении чувашского народа (сборник статей)», Чебоксары, 1957.

ния, выдвинутые учеными дореволюционного периода. Я хотел бы проиллюстрировать это на материале, более мне известном. Напомню, что акад. В. В. Радлов выдвинул гипотезу о том, что северные алтайцы — это тюркизированные по языку южные самоеды и енисейцы (кеты). Это безоговорочно принял и повторил Н. А. Аристов. Однако теперь можно считать доказанным, что сложные по своему этническому происхождению северные алтайцы (тубалары, кумандинцы, челканцы-лебединцы) включили в себя большой этнический пласт тюркских скотоводов-кочевников, связанных своим происхождением с древнетюркскими племенами *теле* и западными *тюкю*.

Мне остается коснуться еще одной новой для науки проблемы, над изучением которой плодотворно трудились и продолжают трудиться советские этнографы-тюркологи. Я хочу сказать об изучении современной культуры и быта тюркских народов СССР. Научное и практическое значение этого вопроса для советского общества и даже для зарубежного читателя не нуждается в разъяснении. Подобные исследования не только отражают изменение социальной структуры многих тюркских народов (формирование и рост национального колхозного крестьянства и рабочего класса, национальной интеллигенции), но и характеризуют особенности культуры и быта этих новых социальных слоев народа. Этнографические исследования раскрывают пути формирования социалистической культуры тюркских народов и ее взаимоотношения со старыми культурно-бытовыми традициями. Появились и монографические работы, отражающие итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства у тюркских народов СССР¹². Названные и многие не названные работы дают картину современной культуры и быта крестьянства тюркских народов Средней Азии и Казахстана (как кочевников-скотоводов в прошлом, так и земледельцев). Достигнуты успехи также и в области изучения быта рабочих. Работы по киргизам, туркменам, казахам, узбекам положили начало исследованию этой весьма актуальной и новой темы¹³.

¹² С. М. Абрамзон и другие, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, М., 1958 (ТИЭ, новая серия, т. 37); Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, — ТИЭ, новая серия, 1954, т. 21; Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, — СЭ, 1949, № 2; У. Х. Шалекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем, — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», М., 1958, т. 3; М. А. Бикжанова и О. А. Сухарева, Прошлое и настоящее селений Айкыран, Ташкент, 1955; «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967 и др.

¹³ С. М. Абрамзон, Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих), — СЭ, 1954, № 4; К. Мамбеталиева, Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизия, Фрунзе, 1963; Ш. Аниаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961; А. С. Моро-

интерес к которой проявляют и ученые некоторых социалистических стран.

Значительное число монографий посвящено изучению отдельных этнографических тем¹⁴. Для них характерно широкое использование кроме полевых материалов также и музейных этнографических коллекций, хранящихся в центральных и местных музеях.

Широкое этнографическое изучение тюркских народов СССР на подлинно научной базе развилось именно в советский период истории нашей науки. Этим изучением, несмотря на некоторую неравномерность, у нас охвачены почти все тюркские народы. Своими исследованиями этнографы-тюркологи внесли значительный вклад в советскую историческую науку. Их научные труды и методологический опыт имеют положительное значение и для развития международной этнографической науки.

зова, Опыт изучения рабочего класса Казахстана, — СЭ, 1962, № 6; К. Л. Задыкина, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, — ТИЭ, новая серия, 1959, т. 47; Ф. Арипов, Изучение быта и культуры рабочих-узбеков, — СЭ, 1960, № 5.

¹⁴ Б. Кармышева, Узбеки-докайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954; К. Шанизов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964; Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953; С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тодзинцы, М., 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

ААН	— Архив Академии наук СССР.
АВПР МИД СССР	— Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.
БАН СССР	— Библиотека Академии наук СССР.
ВАН	— «Вестник Академии наук», М.
ВДИ	— «Вестник древней истории», М.
ВИ	— «Вопросы истории», М.
ВКВШ	— Всесоюзный комитет по делам высшей школы.
ВЛУ	— «Вестник Ленинградского университета».
ВЯ	— «Вопросы языкознания», М.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей, Москва.
ДАН-В	— «Доклады Академии наук СССР», серия В.
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗАН	— «Записки Академии наук СССР», М.
ЗВРАО	— «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИРГО	— «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ИАН	— «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН СССР	— «Известия Академии наук СССР», М.
ИАН КазССР	— «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИВАН	— Институт востоковедения АН СССР.
ИГАИМК	— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИНА	— Институт народов Азии АН СССР.
ИРКИСВА	— «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», СПб., Пг.
КМВ	— «Казанский музейный вестник».
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛО	— Ленинградское отделение.
ЛГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА	— «Народы Азии и Африки», М.
НИ	— Научно-исследовательский [институт].

- ОИФ — Отделение истории и филологии.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
 ООИ — Отделение общественных наук.
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.
 ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
 ПИ — «Проблемы источниковедения», М.—Л.
 ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
 СА — «Советская археология», М.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
 СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии при Имп. Академии наук», СПб.
 СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
 ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
 ТИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР».
 ТИЯЛИКФ — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР», Фрунзе.
 ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Кызыл.
 ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
 ТТКО ИРГО — «Труды Троицко-Кяхтинского отделения Имп. Русского географического общества», СПб.
 Туркм. ФАН — Туркменский филиал Академии наук СССР.
 УЗИБАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
 УЗКУ — «Ученые записки Имп. Казанского университета».
 ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив, Ленинград.
 ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете».
 ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
 АВАВ — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
 АОг — «Archiv Orientalni», Praha.
 CAJ — «Central asiatic journal», The Hague—Wiesbaden.
 JA — «Journal Asiatique», Paris.
 JSFOu — «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
 KCSA — «Kőrösi Csoma-Archivum», Budapest.
 KSz — «Kéleti Szemle (Revue orientale)», Budapest.
 МК — T. D. K. Divanü Lügat-it-türk tercümesi, c. I—IV, Ankara, 1939—1942.
 MSFOu — «Mémoires de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
 PhTF — «Philologiae turcicae fundamenta. Issu et auctoritate Unionis universae studiosorum rerum orientalium. Auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis scientiae culturae ordinis», t. I—II, [Wiesbaden], 1959—1964.
 SPAW — «Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
 StO — «Studia Orientalia», Helsinki.
 TTKB — «Türk Tarih Kurumu Belleten», Ankara.
 UAJb — «Ural-altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.